

Н. КАРПОВ

**ЗОЛОТАЯ
ПАУТИНКА**

НОВАЯ ШЕРЛОКИАНА

Salamandra P.V.V.

Н. КАРПОВ

ЗОЛОТАЯ ПАУТИНКА

**Сенсационный
кино-роман**

Salamandra P.V.V.

Карпов Н. Н.

Золотая паутинка: Сенсационный кино-роман. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 78 с. – (Новая шерлокиана).

Кино-роман Н. Карпова «Золотая паутинка» повествует о похождениях бывшего сыщика Владимира Путина, поневоле оказавшегося в центре шпионской и амурной интриги.

Книга была напечатана с продолжениями в 1927 г. в газете «Старый нарвский листок» и переиздается впервые.

Сенсаціонный кино-романъ

Н. Карпова

захватывающей фэбулы

„ЗОЛОТАЯ ПАУТИНКА“⁶⁴

(Кино-романъ сегодняшняго дня изъ жизни нашей
столицы) начнется печатаніемъ

съ субботы, 2-го апрѣля, въ газетѣ
„Старый Нарвск. Листонъ“.

Романъ появляется въ печати впервые.

Кафэ «Брюссель», насыщенное светом, звуками, смесью терпких духов и запаха разгоряченных тел, было полно праздной толпой.

Трещал, свистел, пиликал джэс-бэнд. Музыканты, размалеванные негритосами, кривляясь, дико вскрикивали в такт сумбурной музыке. Старые танцы забыты. На смену им явились танго, фокстроты, чарльстоны — детища современной жизни, столь же похожие на салонный танец, как панельная дева на монахиню.

Возбужденные сладострастными движениями, пары медленно извивались между столиками. Шаркающие ноги переплетались коленами. Кавалеры прижали своих, словно падавших навзничь, дам так плотно, что большей близости мешали только одежды. Безмолвные зовы, казалось, звучали в каждой паре:

«Отдайся мне, ты так прекрасна! Как пленительно гибко твоё тело и уста твои опаляют меня зноем страсти! Я хочу тебя!..»

«Попробуй! Если сможешь взять — я твоя!..»

Элегантно обставленное кафэ большого приморского города славилось как излюбленное урочище местной и приезжей публики. Все, кого влекли пряные развлечения, стекались в «Брюссель». Недурная кухня под управлением повара-француза, первоклассные номера программы на эстраде и неисчерпаемые возможности в области кратковременных интрижек были к услугам посетителей. Женская красота всех национальностей и оттенков собрана здесь пышным букетом. Дамы из общества, манерами и туалетом стремящиеся походить на кокеток и доступные жрицы любви, с миной чопорной лэди, попадают сплошь и ря-

дом. Неопытный искатель приключений может впасть в жестокую ошибку. Революционная переоценка ценностей и результат ее — всеобщее обалдение, перепутали все понятия, стремления и потребности, стерли все грани. Порой не отличить купца от жулика, авантюриста-provокатора от джентельмена и не знаешь, где конец семейной добродетели и начало разврата дома свиданий,

Был первый час ночи под воскресенье, разгар легкомысленных удовольствий, завтра — день отдыха и спать можно до одури. Большой зал модного кафэ вмещал не одну сотню жаждущих веселья. Одни уезжали в поисках других ощущений, вливались новые лица. Суетливо порхали кокетливые кельнерши, заливчатски наяривал джэс-бэнд. Было шумно, дымно, полупьяно.

В углу, полускрытый раскидистой пальмой, сидел за столиком бритый шатен, лет сорока. Окончив ужин, он лениво потягивал: зеленоватый ликер, запивая глотками черного кофе. Рассеянно наблюдая танцующих, он встрепенулся от неожиданности. Его взгляд задержала новая пара: худощавый брюнет и рыжеволосая красавица с тонким, классических линий слегка подрисованным ртом, с брошью — золотой паутинкой, привлекла его внимание. Не отдавая себе отчета в том, чем могла заинтересовать его эта пара, он продолжал наблюдение за нею. Чем-то знакомым повеяло от фигуры дамы с золотой паутинкой на груди. Напрягая память, он уловил одно характерное движение головы рыжеволосой красавицы и, вдруг точно завеса спала с его глаз. Далекое прошлое. Усадьба на берегу Волги. Он — студент, репетитор балбеса-лицеиста. Она — подросток, дочь генерала Томилина, владельца усадьбы. Да... да, несомненно она, Дина Томилина. И золотая паутинка, ее любимая брошь, подарок бабушки.

Дина, Дина! Весна любви... Первое чистое, робкое чувство. Полуслова, полупафосы, полужатия рук. Трепет юных неискушенных сердец! Кто она теперь? С кем? Как попала сюда?

Под наплывом воспоминаний он не заметил окончания танца. Волнуясь, ища глазами Дину, он увидел ее с кавалером за столиком в противоположной стороне зала. И тотчас его поразило нечто новое. Невдалеке от них сидела компания из двух мужчин и дамы, зорко следящих за Диной. Какая-то связь существовала между ними. Помимо интереса к Дине, в нем говорило чутье профессионала. Это был известный в свое время агент уголовного сыска, волной большевизма выброшенный из России, Владимир Сергеевич Путин.

Время близилось к двум часам, сроку закрытия кафе. Публика разъезжалась. Дина со своим спутником встали. Перешептываясь, двинулась и следящая за ними компания. Путин стремительно пробрался к выходу, наскоро накинул пальто и едва успел разглядеть с подъезда удаляющийся светло-серый лимузин. Интригующая его троица, торопливо сев в авто, покатила следом. Путин вскочил в первое свободное такси и помчался за ними.

2.

Неожиданные встречи с людьми, так или иначе связанными с днями минувшей молодости, за редкими исключениями, всегда приятны. Прошло более двадцати лет с той поры, а Путин, как сейчас, видит себя стройным юношей, в студенческой тужурке, на кондициях в семье генерала Томилина. Лето промельк-

нуло как сновидение. Зародившемуся чувству к Дине не суждено было разгореться. Натасканный им лицеист выдержал переэкзаменовки. Знакомство с Томилиными кончилось. Его щедро отблагодарили, обещав иметь в виду, на случай, и только. Да и мог ли Путин питать какие-либо надежды? Бедный студент и дочь родовитого генерала! Ушли безвозвратно дни золотые.. За эти годы жизнь вдоволь наигралась человечеством. Выбился и он, было, на дорогу, завоевал положение... А теперь? Маложелательный где бы то ни было эмигрант... А что с нею? Почему она здесь? Что случилось с семьей?..

Плавнo покачиваясь в купэ такси, Путин не выпускал из виду красный глазок фонаря на кузове переднего автомобиля. Все мысли, стремления Путина сосредоточились на роковой встрече с Диной. Что встреча эта роковая, он уже не сомневался. Подсознательное ощущение влекло его неудержимо за Диной. Какая тайна окружает ее? Кто преследователи и что они замышляют? Наглый шантаж, угроза? Политическая организация или просто любовная авантюра? Быть может жизнь ее в опасности? Во что бы то ни стало он увидится с нею, узнает все, раскроет все тайны! Он уверен — ей будет нужна его помощь.

Проколесив по улицам, выехали за город и развили предельную скорость. Автомобили неслись теперь по гладкому, ровному шоссе. Слева плескалось в пологий берег неугомонное море. Справа высокой стеною чернел старый сосновый бор. Замелькали строения. Передний автомобиль сбавил ход, резко свернул в узкий проезд и остановился. Тотчас затормозил и шоффер такси. Путин выскочил из купэ, не считая сунул шоферу деньги и быстрым, привычным взглядом ищейки окинул местность, залитую мягким светом звездной августовской ночи.

Серый лимузин исчез. Дины не было. Ее преследователи, в полумасках, входили на подъезд большого одноэтажного дома, с наглухо закрытыми ставнями, снаружи безмолвного как могила. На стук откинулось в дверях окошечко. Успокоительная фраза, очевидно пароль, распахнула двери. Незнакомцы в масках медлили, как бы ожидая Путина. Мгновение он задержался, обеспокоенный отсутствием Дины.

«Впрочем, если ее здесь нет, значит она пока в безопасности», — решил он, — «Начнем с ее врагов!»

И, не колеблясь, Путин шагнул за таинственной тройкой. В кармане у него лежал браунинг, мускулы были крепки и самообладание никогда его не покидало.

В просторной передней, с журчащим фонтаном посредине, Путина встретил лакей в безукоризненном фраке и в маске.

«Чорт возьми!» — мысленно прошептал Путин, «для начала недурно!»

Приняв пальто и шляпу, лакей однотонно произнес:

— Благоволите раздеться.

— То есть? — удивился Путин, — разве я приехал в баню?

— В таком виде вам нельзя принять участия в танцах.

— Я и не собираюсь!

— Но инкогнито обязательно, — настойчиво сказал лакей, подавая шелковую полумаску.

Пожав плечами, Путин надел маску.

Жестом, полным достоинства придворного камердинера, лакей раскрыл двери в следующее помещение.

Громадный квадратный зал был убран с экзотической роскошью. Чудесные ковры, зеркала, восточные

диваны, тропические растения. Потолок, куполом затянутый пунцовой шелковой тканью, казалось горел от гирлянды электрических лампионов. В глубокой нише, под сурдинку, чуть слышно играл струнный квинтет в сопровождении двух арф вместо пианино. Посреди зала, в модных танцах, кружилась толпа. В легких прозрачных одеждах, почти не скрывающих наготы тела, свершали оргию в честь культа свободной любви мужчины и женщины в масках. На диванах, в истомных позах, полулежали отдыхающие парочки, развлекаясь вином и фруктами. Через известные промежутки, по удару гонга, гасло электричество и минут двадцать в зале царил хаос сладострастия. Тот же гонг возвещал окончание этого вакхического антракта и, когда электричество вновь освещало арену грехопадений, танцы продолжались как ни в чем не бывало.

«Ну и ну! В какое высоконравственное общество затасили меня эти субъекты!» — гадливо морщась размышлял Путин. «Куда же они провалились? Или тоже священнодействуют в этой толпе маскированных скотов? Что же, будем ждать естественного развития событий. Ну и ночка!»

Путин взглянул на часы — было около четырех. Усталый от пережитых впечатлений, Путин вышел из зала и сел в глубокое низкое кресло в маленькой комнате за передней. Снова мысли его сосредоточились на Дине, переходя от воспоминаний к настоящему. Он не мог себе представить, в каком именно месте и куда свернул с их пути лимузин Дины? Почему преследователи прекратили погоню и с какой целью заманили его сюда, в этот вертеп? Путин долго анализировал эти вопросы, доискиваясь нити таинственной истории, в которой замешана Дина. Истории, одним из действующих лиц которой стал и он по воле Его Величества-случая.

Незаметно дрема охватила Путина. Он зевнул раз, другой, — глаза невольно смежились. Шорох раздался около. Путин хотел оглянуться, вздохнул полной грудью и приторно-сладкий запах защекотал его горло. Теряя сознание, он еще чувствовал, как его подняли на руки и быстро протащили к шумящему автомобилю. Силился крикнуть, но тяжелая рука плотно прижала его рот платком с этим противным запахом...

3.

В западне.

Путин очнулся в необычайной обстановке. Небольшая комната, с круглым электрическим фонарем на потолке, сплошь обитая войлоком, служила его узилищем. Никаких признаков окна. Только прорез на одной из стен обозначал низкую одностворную дверь без ручки. Путин лежал на диване, в халате, предугадательно раздетый. Платье аккуратно сложено на стул, под ним ботинки. У изголовья стоял круглый столик, с холодной закуской, спиртовым кофейником, ящиком папирос и свежими газетами. В углу был приготовлен умывальник, над ним висело зеркало.

Путин не спеша оглядел комнату, потянулся и встал.

«Так-с, Владимир, свет, Сергеевич! Дину проворонил, а к этим молодчикам в лапы влип. Но, спокойствие и здравомыслие. Не привыкать, в разных переделках бывали. Поборемся! И все же в этой, пока темной для меня истории, мое слово будет последним!»

Он освидетельствовал свое платье. Все на месте. Бумажник, записная книжка, часы, портсигар, зажи-

галка, щеточка, перочинный нож лежали в тех именно карманах, где им и надлежало находиться по его привычкам. Но браунинг, конечно, был изъят.

Путин безбоязненно закусил, с удовольствием выпил крепкого черного кофе. Закурил и медленно зашагал по комнате.

Внезапно приоткрылась дверь и в комнату вошли оба незнакомца.

Там, в кафэ, при завязке этого приключения, Путину не было времени основательно зафиксировать в памяти их наружность. Сейчас он принялся разглядывать их с неподражаемым в его положении хладнокровием. Один постарше, высокий, сухой брюнет, с сильной проседью. На землисто-бледном лице болезненно сверкали впалые глаза. Другой, неопределенной масти, как полинялый барбос, топорщил подстриженные усы и громко дышал носом.

— Прежде всего мы должны извиниться за некоторое насилие, учиненное над вами, господин Путин, — сказал старший, рисуясь своей вежливостью.

— Мне кажется, я не имел удовольствия быть вам представленным когда-либо! — в тон ему ответил Путин.

— Тем не менее вы значительная величина в уголовной хронике царской России и вас знал не только Петербург!

— Допустим, — согласился Путин, — но какое отношение имеет мое прошлое к нынешнему положению вашего пленника, если я не ошибаюсь?

— Минуту терпения и вам все будет ясно. Мы преследуем, с определенной целью, известную вам особу и ее спутника.

— Я это понял с первого взгляда в кафэ.

— И в том была ваша неосторожность.

— Вы полагаете?

— Обстоятельства подтверждают этот вывод. Вы встали на нашей дороге. Противник серьезный, вас надо временно обезвредить. И вот, вы здесь.

— И надолго, милостивый государь? — насмешливо спросил Путин.

— Пока не достигнем своей цели. В тот же день мы далеко и навсегда уедем отсюда. Ровно через двадцать четыре часа, после нашего исчезновения, преданные нам слуги доставят вас, с соблюдением предупредительных мер от излишнего с вашей стороны любопытства, в пункт, откуда вы легко ориентируетесь на город.

— Забавно, чорт возьми! И вы уверены в успехе вашего предприятия?

— Так же как и в том, что вы не очень будете тяготиться своим заключением.

— Положим, — пробурчал Путин. — Однако, не будете ли вы любезны сообщить мне, чего же вы добиваетесь от... от известной нам особы и ее спутника?

— Не прикидывайтесь наивным, господин Путин. Раскрыть вам свои карты? Вам, прославленному сыщику?

— Но я, как выразились вы, обезврежен.

— Волк опасен и в капкане, господин Путин, а лиса и в клетке остается лисою.

— Благодарю за комплимент!

— Увы, это святая истина!

— Итак, игра началась! — воскликнул Путин.

— Она продолжается! — весело ответили незнакомцы.

— Принимаю ваш вызов, милостивые государи!

— Если вам что-нибудь понадобится — электрический звонок над диваном к вашим услугам. Честь имеем, — раскланялись незнакомцы, проскальзывая в дверь.

— Имею честь!.. Чорт бы вас побрал! — крикнул Путин.

— А теперь помозгуем!.. — Погрузясь в думы о своем, казалось бы, безвыходном положении, он снова зашагал по комнате.

4.

— Алло!.. Кто говорит?

— Вот, как!.. Вы перестали узнавать меня по телефону?

— Это вы, Дина?

— А разве к вам звонят еще и другие женщины? Это для меня ново!

— Мой Бог, какие подозрения!.. Простите, но ваш голос в трубке сегодня неузнаваем.

— Что же с ним случилось?

— Звучит как-то грубее и глуше.

— Вероятно, я немного простудилась. С утра чувствую неловкость в горле.

— Вы говорите со службы?

— Да. Сейчас кончаю, иду домой.

— А я сегодня засиделся.

— Чем вы заняты?

— Просматриваю некоторые бумаги, а в сущности совершенно свободен.

— Обедали?

— Еще нет.

— Зайдите ко мне через полчаса и отправимся питаться.

— Отлично! Куда прикажете?

— Ну, хотя бы в «Брюссель». Там кормят неплохо, судя по нашему ужину третьего дня.

— Ваш слуга!

— До скорого!

Виктор Александрович Рейнталь еще раз тщательно просмотрел документы, отбитые машинкой на тонкой бумаге, сложил их в резиновый мешочек и спрятал в карман. Но подумав, отодвинул от стены тяжелое кожаное кресло, открывшее стальную несгораемую шкатулку, привинченную к полу, положил в нее документы, запер и снова креслом прикрыл свой тайник.

Рейнталь снимал внаймы хорошо меблированную квартиру в три комнаты. Прислуги не держал. По утрам к нему являлась жена портье, опрятная, еще не старая женщина, приносила газеты, поила его чаем, прибирала квартиру. Почти весь день Рейнталь проводил вне дома. Чем занимался, на какие средства жил этот иностранец — никто этим не интересовался. В его квартире всегда было тихо, что вполне удовлетворяло окружающих.

С Диной Рейнталь познакомился полгода назад, зайдя за какой-то справкой в контору, где она служила. Она сразу произвела на него впечатление. Потребности в справках участились, а случайное знакомство перешло в более близкие отношения. Две, три совместных прогулки, несколько вечеров в кино и театрах и... Дина стала невестой Рейнталя. Он представился ей как бывший кадровый офицер русской гвардии, участник врангелевского движения. О настоящем своем положении пояснил довольно туманно, сказав лишь, что занят одним заграничным поручением секретного свойства, дающим ему средства. Ему надо провести еще одну сложную операцию и тогда он вполне обеспечен. Они повенчаются, она может бросить службу в конторе, а он займется каким-нибудь самостоятельным делом. Вероятнее всего, они уедут в Америку, где

для энергичного, предприимчивого человека и с небольшими средствами открыто широкое поле деятельности.

Дина приняла предложение Рейнталья спокойно, без душевных переживаний и восторга. Глубокого чувства она не питала, но дружеское расположение к нему, после долгих лет одиноких скитаний, создалось само собою, без усилий с ее стороны. Он был не урод, неглуп, хорошо воспитан. Обо всем мог поговорить содержательно и не банально, следил за литературой, артистически играл на рояле.

Дина одна уцелела из всей семьи после разгрома их усадьбы большевиками. Отца расстреляли. Мать вскоре умерла от горя и всяких лишений. Брата забрали в красную армию и он пропал на одном из фронтов гражданской бойни. Бежав из Совдепии, Дина перебивалась частными уроками, потом попала в контору. Предстоящее замужество сулило ей иллюзию прежней жизни, но которой она так стосковалась.

Приведя свой туалет в порядок, Рейнталь вышел из дома, направляясь к Дине. Она жила в меблированной комнате, через три квартала от его улицы. Открывая парадную дверь, он столкнулся с господином в нахлобученной шляпе, с поднятым воротником пальто. Взаимное извинение, — господин вошел в подъезд, а Рейнталь продолжал свой путь. Он был очень удивлен, когда прислуга, открывшая ему дверь, заявила, что барышня еще не вернулась со службы, но, вероятно, скоро будет, так как обедает сегодня дома. Утром просила ей оставить порцию.

Рейнталь прошел в комнату Дины.

«Странно, непонятно! — соображал он, — только что звонила, собираясь в кафэ, а дома распорядилась об обеде. Что за противоречие?!»

Вскоре пришла Дина.

— Виктор, вот, мило! Я все хотела позвонить вам, да так и не решилась. Сегодня патрон торчал весь день. Он бывает очень недоволен, когда служащие занимают телефон личными разговорами.

— Вы не звонили мне Дина? — озадаченно переспросил Рейнталь, целуя ее руку.

— Сегодня?

— Полчаса назад.

— Нет!

— Вы шутите!

— И не думаю, Виктор, что с вами?

— Но позвольте, это какая-то мистификация! Я зашел по вашему вызову, Дина, чтобы идти с вами в кафе «Брюссель» обедать.

— Ничего не понимаю, милый Виктор! Или вы грезили наяву, или...

— Кто-то нас дурачит! досказал Рейнталь.

— Расскажите, Виктор, как это было. В этом надо разобраться!

— Около трех часов, когда я просматривал за письменным столом свои бумаги...

— Какие это бумаги? Вы никогда их мне не показывали.

— И не покажу. Эти бумаги, — результат моих работ, источник моего, а в скором будущем нашего общего с вами существования.

— Но мне-то вы могли бы доверить вашу тайну...

— Никому в мире!.. Простите Дина!

— Я хожу около вас вслепую, не зная, кто же вы, наконец! Это тяжело, Виктор!

— Верю и вижу, дорогая... Потерпите еще немного... Скоро мои дела завершатся заключительным аккордом и я освобожусь от всяких тайн и обязательств.

— Итак, около трех часов, — вздохнув, напомнила Дина.

— Затрещал телефон. Женский голос, мало похожий на ваш, грубый и сиплый, заговорил со мною. Я усомнился, вы ли это. В ответ выслушал легкую нотацию, с оттенком ревности. Изменение голоса объяснялось простудой. Вслушиваясь, я уловил как бы вашу интонацию и успокоился. В результате говорившая со мною вашим именем просила зайти к вам, чтобы вместе отправиться обедать в «Брюссель».

— Все это странно, Виктор... И я нахожу связь этого телефонного разговора с некоторыми явлениями последних дней.

— Именно?

— За нами следят.

Рейнталь вздрогнул и насторожился.

— Из чего заключаете вы это, Дина?

-- Я часто встречаю одного господина около моего дома и у конторы. Наконец, третьего дня, этот господин был с другим подозрительным субъектом и дамой в кафэ. Они сидели недалеко от нас, присматриваясь и прислушиваясь. Помните, я еще обратила на них ваше внимание?

— Да, да...

— Когда мы уезжали, они последовали за нами в автомобиле.

— Так, так.. И только затор экипажей и авто на площади цирка, где мы раньше успели проскочить, задержал их и они отстали.

— Виктор! Я чувствую... с вами говорила по телефону эта дама... Боже, вас хотели выманить из дома!.. Ваша тайна...

Рейнталь не слушая далее, вихрем вылетел от Дины. Его мысли, нервы, мускулы сжались в один молниеносный зигзаг, стремившийся через все преграды туда, домой... Скорей!.. скорей!!

Первым его движением, когда он вбежал в свою квартиру, не заметив, что над замком входной двери кто-то поработал, было броситься к креслу. Отшвырнув его в сторону, Рейнталь пошатнулся и, почти задыхаясь, медленно осел на пол... Шкатулка была на месте. Он улыбнулся, потом встал, отирая пот с лица и принялся хохотать как безумный. Успокоясь, пересчитал документы и привел в порядок кресло. Только теперь он обратил внимание на следы чьего-то посещения. Вскрыты ящики письменного стола и все хранилища — картонки, сундуки, корзины перерыты. Гравюры на стенах, несколько книг в ночном шкафике перевернуты. Все, куда можно спрятать документы, осмотрено. Неприкосновенным осталось одно кресло, так удачно послужившее ширмой драгоценной шкатулке.

На этот раз Рейнталь оказался неуязвимым. Но было ясно, что это только начало охоты за его тайной. Последует ряд новых покушений и против них необходимо принимать меры.

5.

Наступила вторая ночь приключений Путина. Дня он не видел. Крутлые сутки в его темнице горело электричество. Кормили отлично. Пленившие его дженгельмены сами приносили утренний кофе, завтрак, обед. Стараясь скрасить часы его заключения, приносили книги, карты для пасьянса, предложили даже граммофон и гитару, если он играет. Создавалось впечатление, что Путина собираются выдержать здесь немалый срок.

Ужин принесли с двумя приборами. С джентельменами вошла их сотрудница, дама, бывшая с ними в тот знаменательный вечер в кафэ «Брюссель».

— Надеюсь, господин Путин, вы не откажете мне в удовольствии немножко за вами поухаживать, как подобает гостеприимной хозяйке? — кокетливо произнесла она сипловатым голосом.

— Мадам, я польщен и обласкан! — иронически ответил Путин.

— Мы оставляем вас в приятном tête à tête, — сказал старший.

— Запирать на ключ с дамой не принято в порядочном обществе. Но предвараем вас, — всякая попытка к бегству будет пресечена в корне: в соседней комнате мы во всеоружии.

— Совершенно излишняя предосторожность, господа! Бежать в сторону наибольшего сопротивления, просто глупо. Присутствие же очаровательной дамы исключает всякую мысль о желании с моей стороны лишиться ее общества! — галантно парировал Путин.

— Мадам, прошу! — сказал он, указав на диван, а для себя к столу придвинул стул.

Джентельмены вышли.

«Бабец невредный!» — мысленно решил Путин, разглядывая свою даму, среднего роста, хорошо сложенную смуглую брюнетку.

— Вы, кажется, изучаете мою наружность? — улыбаясь, сказала она.

— Как и полагается при встрече с новым противником.

— Это скучно! Наконец, я вовсе не желаю числиться в списке ваших врагов. Не можем ли мы с вами стать друзьями, Путин, как вы думаете?

— Предположение маловероятное!

— Почему?

— Наши взаимоотношения так далеки от этой возможности. Вы преследуете известных лиц, я взял на себя задачу всемерно вам противодействовать.

— Ах, Путин, все это ерунда! Главное... вы мне нравитесь! — томно щурясь сказала брюнетка.

— Ого! Откровенность, вызывающая на ответ,

— С этим не торопитесь. Ответ отрицательный выслушать больно, а положительный будет понятен без слов!..

— И не глупа, и недурна, и расставляет мне тенета! Воздержись, мальчик, воздержись! — предостерег себя Путин, аппетитно проглотив пару тартинков и принимаясь за рябчика.

— Вы предлагаете мне дружбу, — сказал он, — а я знаю о вас не более, как о мадам Икс, сообщнице господ Игрек и Зет!

— Настанет время, узнаете многое...

— Хотя бы имя?

— Ирэн.

— Красиво!.. Отчество?

— Оно вам ничего не скажет.

— Итак, мадам Ирэн, с вашего позволения...

— «Мадам» отбросьте, слишком официально за нашим интимным ужином... Наконец я, может быть, девушка! Непорочная, чистая голубица! Редкий экземпляр в наше время.

— Не смею сомневаться... Но разве ни Зет, ни Игрек не...

— Ни тот, ни другой! — перебила Путина Ирэн. — Я отрицаю брак и свободна в своих чувствах как ветер!

Она откинулась на спинку дивана, грациозно потягиваясь, как шаловливая кошечка.

— Путин, налейте вина!

Аромат старой, выдержанной мадеры приятно зашекотал нервы, когда Путин открыл бутылку.

— Садитесь поближе и выпьем за нашу дружбу.

— Вы снова возвращаетесь к этой теме, Ирэн! — опускаясь на диван, полуупреком заметил Путин.

— Она вас отталкивает?

— Но и не привлекает

— Ах, Путин, Путин! Молодая, интересная женщина ищет вашей дружбы... А вы...

— А я?

— Как деревяшка, скромно сидите, опутив глаза. Где ваш темперамент? Ну, какой же вы мужчина?

— Вам люб темперамент, который демонстрировался вчера ночью в этом милом учреждении? Скажите, Ирэн, зачем ваши сообщники завлекли меня туда?

— Что за вопрос, Путин! Вы ли это, знаменитый сыщик Путин? Вас надо было где-нибудь усыпить, чтобы вы не знали, как вас привезли и где вы сейчас находитесь.

— Где же?

— В некотором царстве, в тридесятom государстве, за синими морями, за высокими горами, в дремучем лесу, на зеленой поляне стоял зачарованный замок. В нем жила-была принцесса молодая, всех красавиц пригожей и милее. Ждала она отважного рыцаря, кто смело проникнет в замок и своим поцелуем снимет чары злого волшебника. И вы, Путин, как в сказке, в заколдованном замке. И принцесса ваша — я, и никуда вы от меня не уйдете. Нет отсюда ни пути, ни выхода...

— И выход я найду, и пути передо мною откроются...

— Так целуй же, ласкай меня, милый.. — исступленно зашептала Ирэн, обвивая руками шею Путина.

— Что вы делаете, Ирэн... сумасшедшая... — стараясь освободиться из объятий, бормотал Путин.

Но поцелуи Ирэн заглушали его слова, туманили рассудок, разжигая в крови ответный огонь желаний.

— Как в сказке, как в сказке... пришел мой рыцарь... — стонала страстно Ирэн, извиваясь на его груди.

Слабел, изнемогая, протестующий голос в сознании Путина. Он уже отвечал на поцелуи Ирэн и руки его обнимали горячий стан молодой женщины.

Мгновения миновали... Вздохи ровнее, спокойнее взоры и вялы движения. Благодарно нежась, Ирэн склонила головку на плечо Путина.

— Сегодня ты мой, а завтра... Я ничем не связываю тебя, мой милый, никаких обещаний.

— Я не прощу себе этой минутной слабости, Ирэн... Зачем все это было.

— Никаких упреков! Я так хотела. И знаешь, о чем я сейчас мечтаю? Уйти отсюда с тобою. Мне опротивела эта жизнь... Устала. Надоели эти, как ты называешь, Игрек и Зет.

Путин напряг свое внимание. Вот, вот раскроется тайна и он все узнает.

— Так кто же они, эти Игрек и Зет, и что у вас тут происходит? — осторожно спросил он.

— Нет, мой милый! Предательницей я не была и не буду. В этом направлении ты от меня ничего не добьешься!

В дверь постучали, приоткрылась щель и раздался голос:

— Ирэн, ваша болтовня уже утомила нашего гостя. Второй час — пора бай-бай!

Ирэн дружески пожала руку Путина, шепнула: — Завтра опять поужинаем вместе, — и бесшумно выскользнула из комнаты.

«Отвратительно! Безобразно!.. Раскис перед чарами шальной бабенки...» — казнился Путин, сидя в том же положении, как оставила его Ирэн. Он еще чувствовал теплоту ее тела и запах духов на диване.

«Надо действовать! Или сегодня же ночью, или Бог весть когда я отсюда выберусь с этими совместными «ужинами».

Путин решил дожидаться трех часов, когда, по его соображениям, в таинственном доме все утихнет и уснет крепким сном. Если его темница оборудована не внутри дома, а имеет наружную стену, в ней должно быть замаскированное окно. Обнаружить его не так трудно. В противном случае этот план бегства рушится, и Путину придется ждать неопределенное время, все расчеты строя на возможной оплошности Игрека и Зета. Необходимо прибегнуть тогда к помощи Ирэн, чтобы усыпить их бдительность. Добиться полного ее доверия, подогревая вспыхнувшее к нему чувство или чувственность, не все ли равно в данном положении! Был бы аппетит во время их «ужинов». Если сегодня Ирэн категорически отклонила его попытку, то после ряда этих «ужинов» Путин сумеет выведать от нее все, что ему нужно.

На худой конец, — последний выход — совместное бегство. Устроить его для Ирэн суций пустяк, используя как-нибудь отсутствие сообщников.

В три часа, по намеченному плану, Путин приступил к обследованию стен. Стена, противоположная двери, не дала никаких результатов. Прощупывая стену слева от двери, Путин ощутил, как войлок, на высоте пояса, слегка продавливается под рукою. Перочинным ножом он сделал прорез и увидел под вой-

локом папку. За нею блеснуло стекло окна. Свобода была близка!

Путин подтащил столик, взобрался на него и прорезал войлок в ширину и высоту окна. Потом погасил электричество, чтобы необычным светом не привлечь случайного внимания. Когда глаза освоились с темнотою, он принялся за работу. Срезал войлок, не без усилий отодрал по кускам папку и, наконец, раскрыл окно.

Резким холодом пахнуло в комнату. Темная ночь притаилась за окном. Ни единой звездочки не мерцало в затученном небе. Моросил мелкий дождь. Долго и пристально вглядывался Путин, пока не различил силуэт толстой березы, чуть белевшей на расстоянии аршина-двух от окна. Этого было для него достаточно. Он вырвал из записной книжки листик, чиркнул зажигалку и быстро набросал карандашом прощальное приветствие:

«Благодарю за непрошенное мною гостеприимство. Прошу извинения за необычный способ освобождения. Путин».

Он встал на край подоконника, выпрямил корпус и сделал наклонное движение вперед. Ухватясь вытянутыми руками за березу, Путин в следующий момент поймал ногою сук и начал спускаться. Не нащупывая больше опоры, Путин прыгнул и мягко упал в траву. Главное сделано — он свободен. Но впереди предстоял еще нелегкий путь. За ночь, пока не рассвело, ему надо уйти как можно дальше отсюда. Где он? В каком направлении город? Чуть дыша, медленно передвигая ноги, Путин обошел вокруг дома, придерживаясь стен. Никаких указаний, ни признаков дороги, хотя бы тропинки. Всюду лес, глушь и тьма. Оставалось одно: идти наугад, стараясь не сбиться с прямой линии, чтобы не плутать бесплодно вокруг да около.

Путин двинулся, взяв направление от широкого каменного крыльца. Шагов пятьдесят ступал по ровной, покрыто травой площадке, наткнулся на толстый пенек, еще шаг — и заросли старого леса охватили его со всех сторон.

Есть особая, жуткая прелесть в ночном лесу. Тишина — за версту слышен каждый шорох. — Гукнет заяц... Филин простонет... Дятел спросонья задолбит по сосновой коре... Хрустнет валежник под ногою... а кажется — и невесть что творится вокруг одинокого путника. Замигают вдали светлячки на болотистой мшинке, а уж чудится — волчья стая залегла, поджидает. Коряга, бурей заваленной липы раскинула толстые корни, — ну, совсем медведь на дыбках, вот-вот облапит! Причудливый кустик, что шапкой прикрытый, притулился меж елей, — то ли добытчик лихо притих, острый нож за пазухой наготове!.. Полон чудес, наваждений старый ночной лес! Человек в нем ничтожен и робок, как младенец в первых потугах ходить.

Путин с трудом пробирался сквозь лесную чащу. Попадались густые поросли малинника, перепутанные высокой крапивой. Руки горели от ожогов и ссадин, размлели ноги от напряженной ходьбы. Порывисто выстукивало сердце, шумно пульсировали виски и мучительно хотелось пить. Путин чиркнул зажигалку и посмотрел на часы. Было около пяти. При самом медленном, черепашьем, шаге, он отделился от дома версты на две, если только леший не водил за нос на одном месте. Путин решил подождать рассвета, когда можно хоть немного ориентироваться и двинуть полным ходом.

Он сел на пушистую кочку, прислонясь спиной к толстому дереву и с наслаждением вытянул усталые ноги. И как бы сладко заснул он! Истомная нега по-

грузила мысли и чувства в нирвану. Но засыпать нельзя — проспийшь и до полдня в этой тиши ароматного леса... Чтобы развеять сонливость, Путин подряд выкурил две папиросы. Сорвал травинку и принялся щекотать в носу. Прочихался и сон разогнал. Думки нахлынули и совсем оживился Путин. Пылкая Ирэн вспомнилась. И как это у них скоропалительно вышло. Раз, раз и готово! Мог ли он ожидать такого романтического конца своего пленения? И не вообразить обиды и гнева хорошенькой женщины, когда откроется его бегство! Как сложатся их отношения, если придется им встретиться снова?.. Не нужна ему вовсе Ирэн, не искал ее близости. Вспышка крови, минутный каприз толкнул их в объятия. Мимолетный эпизод и больше он не повторится... Стушевался образ Ирэн и к Дине потянулись мысли Путина. Неужели и она такая же? Надругалась ли над нею жизнь, изломав некогда крепкие устои старой, барской семьи? Иль по-прежнему гордо несет она свою золотисто-огненную головку, смело глядя каждому в лицо непорочно-голубыми глазами?.. Как любил он тогда этот чистый, открытый взгляд! И теперь, после долгих лет разлуки, Путин, увидев ее, понял, что прежнее юношеское чувство не умерло в нем, а где-то глубоко-глубоко, в уголке сердца, осталось до последнего вздоха. Первая любовь не гложет бесследно. Это такое большое чувство, такая неизмеримая радость, как первый крик новорожденного для матери, первый луч солнца для прозревшего слепца, первый полет из гнезда оперившегося орленка. Первая любовь!. В тебе вся поэзия жизни, вся молитва к творцу этой жизни, вся красота извечной красоты!..

И сейчас здесь, в величавом безмолвии ночного леса, Путин, как никогда доселе, проникся тоской одиночества. Образ Дины явственно, до галлюцинаций,

вставал перед ним и он жаждал верить, что не все еще потеряно для него в жизни — настанут новые дни, а с ними конец одинокой его маяты.

Повеяло предутренним холодком. Рассветало. Пронесся по лесу шелест, словно деревья стряхнули ветвями ночную дрему. Чирикнул очнувшийся чиж. Свистнула иволга. Сорока застрекотала. Шумно захлопал тяжелыми крыльями глухарь. Заголосил на разные лады пернатый мир и ожил старый лес. Забегали ящерицы по трухлявым пням. Муравьи заворошились в своих кучах. Всякая тварь лесная поползла, побежала... задышал лес миллионами жизней. Серый полусвет таял, алея на востоке. Колеблясь расплывались тени. Ясней выступали контуры деревьев-великанов. Погложее раннее утро вставало в полном блеске осенних красок.

Путин зябко поежил плечи, поднялся со своей кочки и бодро зашагал вперед. Два часа ходьбы нисколько не подвинули его поисков. Та же картина дремучего бора вокруг — ни людского следа, ни намека жилья. Нервы Путина задергались, живчик на виске запрыгал — не по себе стало. Этак можно весь день проплутать и опять заночуешь в лесу! Заурчал и желудок — от ужина следа не осталось. Папиросы все скурил — совсем беда! Но вот лес проредел, полянки начали просвечивать, молодняк, впереमेжку с кустарником, под уклон пошел и, вдруг, Путин выбрался на проезжую дорогу. Опять задача. Вправо повернуть, или влево? Постоял, постоял, долго смотрел в обе стороны, прислушался и сел на обочине. Авось кто пройдет иль проедет. Ни конного, ни пешего — словно вымерло все верст на сто! Отдохнул Путин, встал посреди дороги и судьбу загадал: закрыл глаза, повернулся несколько раз и махнул в ту сторону, куда лицом пришелся. Порядком отмерил Путин, задумался шагая, и диву дался,

не заметив, как дорога уперлась в шоссе! Глянул и залюбовался! Под ним перламутровой далью парило на солнце неподвижное море. Заштило, как редко выдается в осеннюю пору. Безнадёжно маячила большая яхта, опустив паруса. Чайки кружились низко, низко, хлопая по воде крыльями. А влево, на изгибе бухты, высился город. Путин давно не молился, но тут прошептал: «Слава Богу!» и пошел — на глаз верст десять пути.

Едва передвигая от усталости ноги, доплелся он до пригорода и в первой же мелочной лавочке припал к молоку со свежим еще теплым хлебом. Папирос купил, всласть накурился. На счастье попал ему попутчик-фурман и Путин поехал домой, чтобы тотчас залечь отоспаться и со свежими силами за дело — разыскивать Дину.

7.

Невообразимая кутерьма поднялась у Игрека с Зетом, когда они явились к своему пленнику с утренним кофе.

— Удрал! — завопил Игрек.

— А что я тебе говорил! — злорадствовал Зет. — Ты умник старший! Советов не слушаешь — вот тебе и наука!

— Советы, советы! Чорта рыжего теперь в твоих советах!

— Тоже, подумаешь, антимию радушия развели! Такого пройдоху, как Путин, на цепи держать в пору! сопя резонировал Зет.

— Тебя, барбоса лысого, на цепь посадить, чтоб не лаялся!

— Посади, попробуй! Эх ты чертопхай! Много ль без меня сделаешь — опять в лужу сядешь! Документы от Рейнталя достал ли? Где они, эти драгоценные бумажки?

— На себе, видно, носит, все перерыл.

— И опять меня не послушал! — не унимался Зет.
— Как было намечено, так следовало идти неуклонно. Комнату-изолятор для кого приготовили? Для Рейнталя. А приволокли сюда Путина. Сидел бы Рейнталь здесь — и документы были бы наши. Сотням Путиных и во сне бы не снилось, что здесь происходит. Теперь начинай сначала. Всю музыку испортил — сам втянул старую ищейку в это дело!

— Да перестанешь ли ты зудить! — заорал Игрек.

— А ты горло-то не рви, не из пугливых я!

— Болван!

— Идиот!

Перебранка перешла в такой безалаберный гвалт, что приятели сами перестали понимать, о чем они спорят.

На крик вбежала Ирэн, увидела развороченное окно, ахнула и ткнулась на диван. Вчера, удовлетворяя порыв своей пылающей чувственности, она сама освободила Путина от всяких перед ней обязательств. Она ни в чем его не обвиняла, но было и жаль, что их случайная близость так скоро прервана. Неожиданно возникла эта близость и потому в ней была особая острота ощущений. Ирэн не могла рассчитывать на длительную связь — знала, что мысли Путина далеки от нее, но он ей нравился и был обижен его уход.

Игрек и Зет вдоволь набранились и увидели, наконец, удрученное настроение Ирэн.

— Влюбились вы, что ли, в Путина? — спросил Игрек.

— Хотя бы и так!

— А удержать при себе не сумели.

— Зато вы много успели в своем предприятии! Уж если Рейнталя проворонили, так где вам с Путиным тягаться!

— Что, брат, и она тебя шпигует! — вставил Зет.

— Рейнталь от нас не уйдет, — примирительно сказал Игрек.

— Меня вы оставьте в покое насчет Рейнталя, — заявила Ирэн, — его на телефонную удочку больше не поймаете. Один раз удалось, да у вас ничего не вышло, только спугнули.

— Необходимо выждать время, чтобы усыпить бдительность Рейнталя, а затем нанести удар с другой стороны, откуда он не ждет нападения. Таково мое мнение! — сказал Зет.

— И я его разделяю! — поддакнул Игрек.

— А Путин вас обоих разделает!

— Кто кого разделает — будет видно в свое время, а сейчас распределим роли в дальнейшей игре. Я беру на себя Рейнталя, — решил Игрек.

— Мне остается Путин — сюжет нелегкий! — сопя пробурчал Зет. — Может быть вы, Ирэн, желаете им заняться? — ухмыляясь добавил он.

— На Ирэн возлагается наблюдение за рыжеволосой дамой Рейнталя — заключил Игрек. — Но, господа, действовать надо обдуманно и тонко. После неудачи с Рейнталем и бегства Путина, они будут осторожны и хитры как мухи. Здесь нам делать пока нечего! Поодиночке переправимся в город — наши задания определены и ясны для каждого. Да сопутствует нам успех! — закончил он, пожимая руки сообщникам, — я испаряюсь, часа через два отправляйтесь вы, Ирэн, а ты двинись последним, — кивнул он Зету, — Addio!

Ирэн, Игрек и Зет. Что за таинственная компания? Какая цель их объединила и откуда вынырнула эта троица?

Мировая война и революционные вихри перекроили карту Европы. Сотни тысяч людей лишились своей родины, своего крова и достоинства. Эмиграция, в невиданном в истории масштабе, раскинулась по всем концам света. В погоне за куском хлеба, примитивом существования на чужбине, перемешались все профессии и специальности. Генерал — заводской сторож, блестящий гвардеец — лакей бара, священник — комиссионер, прокурор — сапожник, фрейлина — швейка. Нет той области труда куда бы не бросалась эмиграция, гнущая спину, мозолящая руки, как заправский черноработчий. Из «бывших людей» родился и новый тип торгующих на мировом рынке совестью, честью, душою и телом. Аферисты, предатели, провокаторы, наемные убийцы, шпионы. Они продают свои услуги за всемогущее золото — оно не пахнет и кровь с него легко смывается.

Игрек и Зет — герои легкой наживы новой формации. Они сошлись случайно в Будапеште, оборванные, голодные, готовые на любую авантюру. И удача им улыбнулась. Они получили ангажемент — выкрасть дипломатическую переписку двух держав, в пользу третьей. Допускались все средства: подкуп, кинжал, отравы. Кредит неограничен и вознаграждение, ради которого стоит рискнуть собственной головою. В таких предприятиях участие ловкой, интересной женщины небесполезно. Им подвернулась Ирэн. Мораль и принципы, в которых некогда она воспиталась, были отброшены ею легко, без размышлений, как отжившая ветошь. Она быстро впитала идеологию новых пророков, жила сегодняшним днем, извлекая из него максимум наслаждений. Из объятий Игрека пе-

решла к Зету, вскоре остыла к нему и между ними тремя установились чисто деловые отношения. Она помогала им, получая свою долю их барышей, в личной жизни была свободна, располагая собой по своему усмотрению.

Игрек, Зет, Ирэн приехали в этот приморский город для выполнения своей миссии. С первых же шагов выяснилось, что они имеют конкурента в лице Рейнталя, работавшего в той же области по поручению четвертой заинтересованной стороны. Обсудив положение, они решили предоставить Рейнталю всю опасную часть операции и, когда документы будут у него в руках, похитить их у него. Это и легче, меньше риска и, в случае провала Рейнталя, они в стороне.

Неожиданно вмешался Путин. Задача осложнилась, особенно после неудачного покушения Игрека на Рейнталя и бегства от них Путина. Хотя тайна их и не раскрыта опытным сыщиком, но все же он имеет теперь много шансов в борьбе с ними.

8.

Несколько часов глубокого, крепкого сна и Путин встал свежим, полон энергии. Первым его движением было отправиться в адресное бюро. За эти годы Дина могла переменить фамилию, выйдя замуж. Тогда он ничего не узнает и придется ждать новой случайной встречи.

Велика была радость Путина, когда он получил адрес Дины! Томила оказалась, и притом единственная в городе. Через десять минут Путин стоял перед ее дверью. Сейчас он ее увидит, услышит ее голос, бу-

дет говорить с нею! Он волновался как юноша при первом свидании с предметом своих грез.

Но вместо Дины, Путин увидел прислугу. Она словоохотливо сообщила, что барышня на службе, в конторе, возвращается после трех часов. Обедает обыкновенно дома, но иногда за ней заходит ее жених. Они идут в кафэ, потом в театр или кино.

При упоминании о женихе настроение у Путина упало. Он понял, что брюнет, с которым встретил в кафэ «Брюссель» Дину, и есть ее жених. За ним идет охота Ирэн, Игрека и Зета. «Не помочь ли им в этом деле и тем убрать его с пути к сердцу Дины? Но тотчас Путин отбросил эту мысль. Как мог запасть ему в голову такой недостойный прием?

— Может, господин прикажет передать что-нибудь барышне? — нарушила прислуга безмолвие его размышлений.

— Передать? — очнулся Путин.

— Желаете оставить записку?

— Нет, я зайду еще раз. Или, вот что, не знаете ли вы адрес конторы, где служить фрейлен Томилина?

— О да, это совсем близко! — и прислуга подробно рассказала, как найти контору барышни.

Путин вышел на улицу. До трех оставалось полтора часа. Что предпринять? Вызвать Дину из конторы? Неудобно — возникнут излишние разговоры среди сослуживцев. Ждать ее выхода? Долго и пахнет мальчишеством. Вернуться после трех? Но за это время между конторой и домом с нею может что-нибудь случиться. Сегодня же он должен ее видеть!

Путин направился к конторе. Судьба покровительствовала ему. Наискосок подъезда конторы помещалась кондитерская. Путин зашел, занял столик у окна и спросил чая. Поверхностно просмотрел номера иллюстрированного журнала, поминутно вытаскивая из

кармана часы. Стрелка придвигалась к трем, волнение Путина нарастало. Он не узнавал себя, всегда уравновешенного, выдержанного, подчинявшего нервы и душевные движения своей железной воле. Без пяти три он вышел из кондитерской, встал у витрины магазина, шагах десяти от конторы, и замер в ожидании. Захлопала дверь подъезда. Вынырнул господин с портфелем под мышкой, за ним другой. Дама с сумочкой засеменила прыгающей походкой, застегивая перчатки, за нею — Дина. Скромно, со вкусом одетая, не спеша приближалась она к Путину. Поравнялась с ним. Скользя глазами в витрину, встретила пристальный взгляд Путина.

— Мое почтение, Надежда Николаевна, — негромко произнес он, приподняв шляпу.

Дина приостановилась. Звук голоса точно отбросил ее далеко назад. Давно где-то слышала она этот голос — ровный и твердый, властью и силой звучащий, но избранный сердцем чувствует в нем негу и ласку. Что-то огромное, чудное, давно пережитое распахнулось перед Диной. Все потерянное в прошлом: семья, родные березки у обрыва над Волгой, ее девичья комната, розовая как румяна утреннего неба и... семнадцатая весна ее жизни... Она — впервые одевшая длинное платье взрослой девушки. Белая кисея волнистыми складками падает почти до полу. Широкой голубой лентой перехвачена тонкая талия и пышная коса двумя змейками вьется ниже бедер. Как хороша жизнь в семнадцать лет!... Роскошное волжское утро... Легко вливается в молодую грудь живительный воздух. Какой упоительный ландшафт раскинут перед террасой! Простор и даль... Сад уступами спускается к берегу. Внизу купальня, пристань с лодками и белеется чей-то китель. Это студент, репетитор брата. Он успел уже нагуляться, выкупаться и сейчас придет сюда,

к утреннему чаю. В руках у него васильки. Она любит вплетать в свои косы эти голубые глазки. В ее рыже-вато-золотистых волосах они словно у себя дома в спелой, налившейся колосом, ржи.

Дина застыла перед Путиным, зачарованная как в сновиденьях, что иногда балуют ее отзвуками далеких милых дней.

— Узнаете, Надежда Николаевна?

— Господи... Владимир... Серге-евич! Вот когда мы встретились! — ответила Дина, подавая Путину руку.
— Как странно все это и... хорошо!

Это «хорошо» было сказано Диной так просто, сердечно, в нем светилась такая откровенная радость, что Путин за одно это слово был готов простить миру всю тоску, всю горечь и страдания своей души.

— Мне многое надо сказать вам, Надежда Николаевна, сегодня, сейчас же... Позвольте вас проводить!

— Конечно! Господи, что же мы стоим! Идемте ко мне... Я живу недалеко отсюда.

— Я уже был у вас сегодня.

— Как вы узнали, что я здесь? Впрочем, помолчим, наговоримся дома. Все еще не могу прийти в себя от неожиданности нашей встречи.

Дина и Путин шли рядом в толпе шумного города, но им казалось, что в целом свете их только двое, что только их существование важно и нужно, а все окружающее неинтересно, ничтожно и не касается их ни с какой стороны. Годы, разъединявшие их до настоящего момента, сгладились, исчезли в каком-то провале. В их памяти воскресли все тончайшие оттенки переживаний того далекого лета, на Волге. И чувство это было так ярко и свежо, точно расстались они только вчера.

— Ну, вот, моя келья! — сказала Дина, когда они пришли к ней, в ее маленькую, уютную комнату. — Са-

дитесь, рассказывайте о себе, спрашивайте... Мне с вами легко, как с другом юных дней. Не стеснясь буду обедать. Могу поделиться и с вами, хотите кушать?

— Благодарю вас, мне еще рано.

Прислуга подала Дине обед и Путин начал свое повествование. Он рассказал в общих чертах всю свою жизнь, как по окончании университета пробился на дорогу, избрав карьеру криминального агента и достиг в этой области даже известности. Налетела революционная буря и он — один из многих, «бывший человек», бесподданный скиталец. Правда, он зарабатывает очень недурно, состоя заведывающим кустарной мастерской игрушек в русском стиле. У него есть художественный вкус: в молодости увлекался живописью, лепкой, резьбой по дереву и теперь эти знания пригодились. Русское искусство всегда высоко ценилось иностранцами, а сейчас оно в моде. Мастерская поставлено прочно, субсидируется и сбыт обеспечен, особенно в Англию. На первой встрече своей с Диной, в кафэ «Брюссель», Путин сделал продолжительную паузу.

— Но как вы меня узнали? Я изменилась за эти двадцать лет, постарела!

— Мы оба изменились, конечно. Но сходство, и большое, с прежней Диной у вас осталось, Надежда Николаевна. Следя за вами в тот вечер, я уловил ваше характерное движение головы. А эта брошь, ваша любимая золотая паутинка, не забыл ее с тех пор...

— Я невеста, Владимир Сергеевич, хоть и запоздалая, — словно обрывая нить с прошлым, сказала Дина. — Вы меня видели в кафэ с женихом.

— Знаю. И желание предупредить о какой-то, еще мне неясной опасности, грозящей вам и вашему жениху, привело меня к вам. С первой же встречи с вами я уже замешан в эту историю.

Путин рассказал Дине все, что с ним произошло за эти дни.

— Боже, что же это такое?! За нами следят. Третьего дня была сделана попытка выкрасть у моего жениха документы. От моего имени его вызвали по телефону и, во время его отсутствия, перерыли квартиру. Но пока все благополучно — документы целы.

— Личные документы вашего жениха?

— Нет... Не знаю, право!.. Он меня не посвящает в свои дела.. Это мучает и... обижает — сказала Дина с грустной улыбкой.

— Надежда Николаевна, скажите мне откровенно, как старому другу, вы хорошо знаете своего жениха?

— Увы, нет! Его дела — непроницаемая тайна.

— И вы с этим примиряетесь?

— Что же делать, Владимир Сергеевич, приходится!

Путин встал и зашагал по комнате. Когда мозг его усиленно работал над какой-нибудь мыслью, он не мог оставаться в покое.

— Дело, по-видимому, гораздо серьезнее и сложнее, чем можно было предполагать по первому впечатлению. Вы простите меня, Надежда Николаевна, но мой совет опытного криминалиста — не доверяйтесь вашему жениху, будьте осторожны!

— Что вы хотите этим сказать? — удивленно спросила Дина и нервно повела плечами.

— Мне он также подозрителен, как и его преследователи.

— Владимир Сергеевич, вы...

— Бога ради, не волнуйтесь! Не подумайте, что я хочу вооружить вас против него. Верьте мне, кроме искреннего желания...

Звон разбитого стекла прервал Путина на полуслове. Ловкой рукой, брошенный с улицы, в комнату упал камень, с привязанной к нему запиской.

Путин стремительно выглянул в окно. Уличная суэта шла обычным темпом. Дина подняла камень и развернула записку.

«Милостивый государь, господин хороший, великий сыщик Путин! Сойдите с нашей дороги, повторяем вам в последний раз!» — категорически гласила записка.

— Господи, что такое? — воскликнула Дина, — они следят за каждым шагом!.. Грозят даже вам!

— Подтверждение моих слов, Надежда Николаевна!

— Дальше, что же будет дальше? Владимир Сергеевич, голубчик, я ничего не понимаю что тут происходит?.. Мне становится страшно сознавать, что каждое движение контролируется кем-то и никуда не уйти от неведомого соглядатая... Что им нужно, наконец, от нас?

— Насколько я уясняю теперь, лично вам, Надежда Николаевна, никакой опасностью не грозит. Им интересен ваш жених, вернее, бумаги, которые он так хранить, даже от вас. Но, даю вам слово, если понадобится — моя помощь не опоздает. На случай мой телефон: 22 068. Не падайте духом, не бойтесь и знайте, что у вас есть друг, который зорко охраняет вас со всех сторон.

Путин ушел. Дина просидела весь вечер одна и тревожны, расплывчатые были ее думы. Встреча с Путиным — событие. Грань, за которой начинается нечто новое. Рождение, смерть, свадьба в кругу близких, отъезд на долгие годы, возвращение в семью — этапы, красной нитью отмечаемые в жизни человека. Дина не отдавала еще себе отчета в том, что происходит

сейчас в ее душе, но сознавала одно — судьба столкнула ее с Путиным вновь не напрасно и что-то должно последовать за встречей.

9.

Прошла неделя после покушения на кражу документов. Новых попыток не было. Но Рейнталь, зашив бумаги в подкладку жилета, не имел ни минуты покоя. Ему чудилась, и не без оснований, неотступная слежка. Он торопил с получением последней, самой важной, бумаги, но при всем желании ускорить развязку, приходилось запасаться терпением, подтягивать свои нервы бромом и ждать. Подкупленный им чиновник нес ночное дежурство в министерстве раз в месяц. Не в каждое дежурство удавалось ему проникнуть в хранилище секретных дел, чтобы скопировать заказанный ему Рейнталем документ.

Последние дни Рейнталь горел, как в лихорадке. Явилась новая причина для тревог и волнений — встреча Дины с Путиным. Она рассказала о ней жениху, рисуя Путина в его прошлом и настоящем. Ни то, ни другое не могло нравиться Рейнталю. Заговорила ревность к этому прошлому. А сейчас, в роли охранителя Дины, Путин также далеко не радовал Рейнталья. Неизбежное знакомство с сыщиком хотя и не посвященным в сущность его тайного поручения в этом городе, вовсе не устраивало Рейнталья. А познакомиться придется и не далее, как сегодня. На этом настояла Дина. Они условились сойтись в ресторане «Поларис». Рейнталь заранее закажет кабинет к пяти часам и сервировку на три персоны. Путин зайдет за Диной в кон-

тору, проводит ее домой и они вместе отправятся в «Поларис».

Рейнталь встретил их в салоне ресторана, придя несколькими минутами раньше.

— Знакомьтесь, господа, — сказала Дина, когда они вошли в кабинет.

— Ротмистр императорской гвардии! — отрекомендовался Рейнталь свысока и небрежно.

— Агент уголовного сыска, Российской Империи дворянин, коллежский советник и орденов кавалер — театрально гордо срезал Путин

Дина удивленно посмотрела на обоих.

— Что с вами, господа, какой тон?

— Тон, Надежда Николаевна дает камертон!.. Камельдинер!.. Камерпаж... Кусочек воспоминаний славного прошлого! Ротмистру вспомнились трензеля и резаный хвост строевого мерина. У меня позади тоже кое-что осталось в послужном списке. Вот мы и обменялись своими краткими биографиями! — шутливо пояснил Путин.

«Напрасно затеяла их знакомство, не к добру» — досадовала Дина, садясь за круглый стол с кувертами и вазой цветов посередине.

Кавалеры заняли места по бокам Дины.

«Он ищет со мной ссоры», размышлял Рейнталь, кусая губы. «В моем положении это абсурд! Глупо, глупо!»

А Путину было весело. Катастрофически быстро выяснились их взаимоотношения. Мог ли он предположить, что с первых же слов они встанут на такую скользкую почву? Собираясь на этот обед, Путин и не думал принимать враждебной позы. Но, раз сложилось так само собою, он шагу не сделает первым к примирению. Наружность Рейнталья ему определенно не нравилась.

Обед не удался. Настроение было испорчено в корне. Рейнталь и бледнел, и краснел от злости, односложно отвечая на старания Дины завязать общий разговор. Один Путин был спокоен, чувствуя свое превосходство над терявшим самообладание ротмистром.

Одно обстоятельство могло бы их, пожалуй, объединить сейчас на общей теме, но они этого не знали. Рядом, за стеною, в зале обедал противный лагерь — Ирэн, Игрек и Зет.

Там настроение было иное.

— Скоро к расчету? — спросил Зет.

— Через несколько дней Рейнталь должен получить последний Документ. И тогда, дети мои, глаза в руки и по пятам за ним. Не проморгаем! — уверенно сказал Игрек.

— Путин зорко охраняет Томилину и так ловко! Иногда она даже не замечает его, словно в шапке-невидимке за нею гуляет! — сообщила Ирэн свои наблюдения.

— На здоровье, пускай забавляются. Они нужны нам как прошлогодний снег! Для отвода глаз все же припугнуть не мешает. Как-то я недавно пустил им весточку с камнем в окно. То-то натряслась от страха, думать надо, распрекрасная Дина! Так-то, ребяташки, хлопнем еще пивонского, да и по домам! — закончил Игрек.

За минуту до этого разговора Дина, Путин и Рейнталь вышли из ресторана.

— Такого похоронного обеда я от вас не ожидала, господа! Скука зеленая!

— Можно развлечься! В «Олимпии» идет боевик «Фаворитка магараджи», — предложил Путин.

— Нет, хочется посидеть за книгой.

Молча проводили Дину. У подъезда с нею простились.

— Вы испортили вечер Надежде Николаевне, господин ротмистр, — сказал Путин.

— Кто из нас испортил его, еще вопрос!

— Вы хотите сказать...

— Что мне надоело вас слушать! — срываясь, злобно прошипел Рейнталь.

— А мне не по вкусу ваша физиономия, рекомендую оную исправить!

— Послушайте, господин коллежский советник и кавалер, сейчас я связан ответственным делом. Через несколько дней должен не надолго уехать. По возвращении возобновим наш разговор. Надеюсь, вы понимаете, в какой форме и...

— К вашим услугам, гидадьго! — дурачливо перебил Путин.

— Через секундентов, тысяча чертей! — исходя желчью выкрикнул Рейнталь.

— Я дерусь только на пулеметах! — потешался Путин.

— Хотя на пушках!

Так закончилось их знакомство. Они разошлись в разные стороны. Рейнталь, кляня час встречи. Путин, посвистывая от удовольствия.

10.

Ссора жениха с Путиным произвела удручающее впечатление на Дину. Она даже расхворалась, и три дня просидела дома. Заходил Путин, выслушал порцию упреков и, как ни старался, не мог успокоить Дину. Главный виновник Рейнталь, она согласна, его тон с первой фразы был некорректен. Но и в поведении Путина чувствовались вызывающие нотки. Предстоящая

дуэль волновала Дину. Если к жениху и не было серьезного чувства, все же создалась привычка, а замужество устраняло лишения необеспеченного одиночества. Разбираясь в отношениях к Путину, Дина должна была сознаться, что тревога за исход дуэли в большей степени касается именно его. В этом вопросе Рейнталь отходил на второй план. Вообще, с появлением Путина, фигура жениха как-то блекла в представлении Дины. Некоторые несимпатичные черты его характера, на которых она раньше не останавливалась, поверхностно принимая их как неизбежный минус, теперь ярче освещались в ее сознании. Даже в наружности Рейнталья стала разбираться придирчивей, взвешивая мельчайшие подробности. Все, к чему прежде относилась она равнодушно, теперь получало в ее глазах особое значение. Человек, с которым Дина была готова связать свою жизнь, расценивался ею по новым ставкам.

Он был очень холодно встречен Диной, когда на другой день после ссоры явился к ней с докладом о назревшей дуэли.

— Удивляюсь, как вы, кадровый офицер, воспитанный в дисциплине чувств и поступков, могли допустить, выражаясь мягко, такую бестактность! Какая муха вас укусила, Виктор?

— Это произошло помимо моей воли.

— Без всякого повода со стороны Путина?

— Да. Достаточно было видеть его рядом с вами. Мною овладел инстинкт. Для нас обоих это знакомство было не из приятных.

— И вы, едва раскрыв рот, взяли неприязненный тон!

— Повторяю, это произошло подсознательно, Дина. Я не оправдываюсь, но и не сожалею о случившемся.

— Что же руководило вами, Виктор, ревность? Мне кажется, я не давала вам никаких оснований разыгрывать роль пламенного Отелло!

— Ревность? Быть может!

— Непохоже на вас, всегда рассудительного, холодного.

— Каждому предопределено в жизни встретить своего антипода, Дина. Непреложный закон и его не избежешь никакими ухищрениями. Человек ангельски незлобивый и кроткий и тот рано или поздно столкнется со своим врагом. В сфере ли чувств, деловых отношений — безразлично, но настанет момент, когда внезапно вклиняется человек, совместное существование с которым органически невозможно. Один из двоих должен сойти с дороги. В такие моменты рушатся долголетние связи, распадаются семьи, гибнут дела, создававшиеся поколениями.

— Боже, новый философский трактат!

— Правда жизни, верьте мне, Дина, — сказал Рейнталь и гримаса какой-то внутренней боли улыбкой пробежала по его лицу.

— И руководствуясь своей теорией, вы решили, что Путин ваш враг?

— Несомненно. И если не лично с ним мне суждено сойтись в кровавой схватке, то встреча с Путиным, во всяком случае, влияет на все дальнейшее мое существование. Отныне каждый мой шаг, поступок, мысль, желание неразрывно связаны с ним. Моя ненависть к нему безгранична. Это чудовищно, кошмарно! Проклятие, нависшее надо мною!

— Полно, Виктор, вы преувеличиваете. Обыкновенной ссоре придаете какое-то мистическое значение.

— Нет, Дина, нет! В нас обоих заложено взаимоистребляющее начало. Один из нас неизбежно должен погибнуть!

— Вы оккультист?

— Нет, но оккультизм не отрицаю.

— Ваше настроение, Виктор, — бред из потустороннего мира. Развинтились нервы и только. Никаких страхов, рисуемых вашим воображением, я не вижу. Ничего демонического, рокового для вас в Путине нет. Все вздор и я прошу ликвидировать вашу глупую ссору мирным путем.

— Рассыпаться в извинениях?

— Если понадобится.

— Никогда!

— А если я так хочу! — решительно произнесла Дина, впервые испытывая силу своего обаяния над женихом.

— Вы требуете невозможного. Это выше моих сил!

— Милый Виктор, я вас очень прошу!

— Не могу Дина, нет!.. Ненависть к Путину заглушает во мне все остальные чувства!

— Даже любовь ко мне, если... если она действительно существует в вашем сердце?

— Ах, да не мучайте меня, ради Бога! — стоном вырвалось у Рейнталя. — Неужели вы не сознаете, что перед вами обреченный совершить то, к чему влечет его судьба?.. В тот далекий миг рождения на моей странице в книге бытия, где все распределено до последнего моего вздоха, начертано: «В свой час ты встретишь своего врага»... Вы понимаете весь ужас, Дина? Кто-то незримый распоряжается нашей жизнью и мы бродим в этом мире, как послушные марионетки... И вот, мой час настал. Враг пришел. Кто-то дернул нити наших жизней и мы столкнулись, я и Путин. Нам не разойтись бескровно.

— Что вы говорите, Виктор, успокойтесь! Это са-могипноз какой-то.

— Скорей бы все это кончилось!.. Я так устал... — Рейнталь долгим поцелуем приник к руке Дины и, простясь с нею, пошел домой.

Поглощенный своими думами, он медленно шагал по улицам, не обращая внимания на окружающее. Не заметил и фигуры с поднятым воротником и нахлобученной на глаза шляпе. Это был Игрек, следивший за ним везде и всюду. Часами просиживал Игрек в кондитерских, выстаивал в подъездах и в подворотнях, не выпуская ни на минуту из поля зрения Рейнталья, и знал каждый его шаг.

11.

Горький осадок остался в душе Дины от разговора с женихом. Его переживания вызывали в ней жалость. Чувство, на котором в сердечных отношениях далеко не уедешь. Жалеют бездомную собачонку, желторотого воробья, упавшего из гнезда, бабочку, опалившую крылья о пламя свечи. Женская жалость — милостыня нищему. Она оскорбительна для мужчины, как такового. Там, где он не сумел возбудить к себе ничего большего, кроме этого чувства, ему надо вовремя отойти, не теряя своего мужского достоинства.

Рейнталь, этот неразгаданный Диной сфинкс, еще не осознал своего положения. Все его внимание было сосредоточено на деле, ради которого он готов был поставить на карту все. Анализировать взаимные чувства было некогда. Дина приняла его предложение, значит, все в порядке. Его ближайшая задача — покончив с делом, свести счеты с Путиным. Испытывая судьбу — погибнуть или, выйдя на этот раз победителем, гордо крикнуть на весь мир: «Мой час еще не

настал!» И тогда свободным, со средствами, отдаться личной жизни. Уехать с Диной далеко отсюда, чтобы ничто не напоминало ему прошлого.

А Дина?

По уходе жениха взялась за начатый роман. Механически прочла полстраницы, думая совсем о другом. Отбросила книгу. Потопталась по своей маленькой уютной комнатке. Принялась за вязанье кружев — не вяжется, петли с крючка сползают и пальцы, точно чужие, деревянные. Ощущение такое словно недостает ей чего-то, тянет что-то сделать. Выглянула в коридор. Тишина в квартире. Хозяева в театр уехали и прислуга отпущена со двора. В коридоре кот домовитый, Рыжик, попался. Жирный, толстомордый. Спину горбом выгибает, мурлычит приветно и трется о платье. Приласкай, мол. Все разошлись, не привык один болтаться, скучно. Погладила Дина Рыжика. Еще громче затянул он свои «куры-муры» и поплелся, прижимаясь к стенке, в хозяйский кабинет. Машинально прошла за ним Дина. Кабинет, как полагается у порядочного буржуа: мебель в коже, ковры, гравюры по стенам, пара портретов. Внушительно выглядит письменный стол, а на нем, с левого края, аппарат телефонный. Все честь-честью.

Подошла Дина к столу, села в кресло. Кот на стол прыгнул, примостился у телефона, смотрит на Дину одобрительно, будто сказать хочет: «Эх, ты, несмышлена! Кабы не я, куда тебе догадаться! Ну, чего ж задумалась?!»

И поняла тут Дина, чего ей не хватает. Нажала кнопку, позвонила.

— 23-068.

— Владимир Сергеевич?

— Надежда Николаевна, если не ошибаюсь?

— Да, не ошиблись, это я. Видите, запомнила ваш номер.

— Что-нибудь случилось? Я нужен? — забеспокоился Путин.

— Ничего особенного... Вы свободны?

— Совершенно.

— Я одна. Поболтаем немножко.

— Разрешите прийти?

— Поговорим на расстоянии. По телефону, не видя собеседника, иногда удобнее сказать то, чего в глаза и не вымолвить.

— Вы хотите мне поведать нечто удивительное, Надежда Николаевна? Я весь внимание!

— Я шучу, Владимир Сергеевич. Напало дурашливое настроение.

— Хорошо, будем «шутиться», как говорил один немчик.

— Ха! Ха!.. «шутиться»! Это мне нравится.

— Да, бывают, Надежда Николаевна, экзemplяры! Этот немец мальчуганом приехал из Берлина «делать деньги». Прожил в России тридцать лет, женился на русской, директором банка опочил на лаврах, а убежденно выражался: «звездатое небо», «лунатая ночь», «не волновайтесь»...

— Ха... ха... ха!..

— Самое смешное впереди, Надежда Николаевна... Вы слушаете?

— Говорите, говорите! — отозвалась Дина улыбаясь.

— Я вас люблю... Люблю глубоко, обдуманно, зрело. В первый раз, помните тогда на Волге, мое юное сердце потянулось к вам... И теперь, встретясь с вами, убедился, что я однолюб. Так, с тех пор, ни одна женщина не овладела моей жизнью... Разве это не смешно? Что?... Вы слушаете?

— Да, — едва слышно, вздохом прошелестело в трубке Путина.

— Но смешнее всего то, что через столько лет я нашел вас невестой.

— Владимир Сергеевич, не надо об этом...

— Истерический взрыв смеха, до колик в животе: предстоящая дуэль с вашим женихом.

— Ее не должно быть, — почти выкрикнула Дина и Путину послышались как бы сдержанные слезы.

— Бога ради!.. Простите, Надежда Николаевна... Я, кажется, «перешутился»!

— Вы понимаете... Я не могу допустить этой бессмысленной дуэли!...

— Увы, она не в вашей власти.

— Не хочу! Не хочу... — рыдала в телефон Дина.

— Боже мой! Я вас расстроил! Успокойтесь, Надежда Николаевна!.. Я встаю на колени, прошу прощения... Улыбайтесь! — молвил Путин, — Ну, какой же выход из положения вы мне подскажете? Приказывайте!

— Не знаю... Ничего не знаю!...

— Извиниться перед ротмистром? Что ж?... Если вы так встревожены за его жизнь... Ради вас, только ради вашего спокойствия, которое для меня дороже собственного самолюбия я... как это ни тяжело... Я готов, Надежда Николаевна.

— Вы ничего не понимаете... Господи, какая мука!..

— Хочу понять. Скажите только... Надежда Николаевна...

Затрепал отбой и Путин так и остался с неразрешенным вопросом, полон недоумений и догадок.

Совесть, честность, честь — все эти прописные истины морали легко даются человеку, когда он сыт, в той или иной форме обеспечен и спокоен за завтрашний день. Разумеется, это не заслуга, а лишь долг каждого. Но проявить твердость принципов, не свихнуться со стези добродетели в дни лишений и горя, когда вчерашний богач сегодня становится нищим, баловень жизни бездомником в лохмотьях — уже подвиг. Сколько таких подвижников создала в своем безудержном размахе русская революция! Обливаясь кровавым потом, в непосильном, непривычном труде они являют миру всю красоту, всю силу своего духа!

Рейнталь был далек от такого подвижничества, предпочтя легкий хотя и рискованный, но хорошо оплачиваемый труд. С прошлым порвал начисто, перекроил свое мировоззрение так радикально и круто, что оглядываясь назад, почти сомневался, было ли то на самом деле, не сон ли?! Аристократический полк, изысканное общество, презрительное отношение ко всему, что на полвершка стоит ниже его на ступенях иерархической лестницы. Рассеянная, беспечная жизнь гвардейского кавалериста среди удовольствий до пресыщения. На склоне лет заранее определенная, блестящая карьера придворного сановника, губернатора.

В первые дни революции, когда еще можно было многое спасти из этого прошлого и влить бушующую лавину в покойное, приемлемое здравым смыслом, русло, — что сделал он во имя спасения того, чему поклонялся? Он первым в полку нацепил красный бант и, как только явилась возможность, смылся с фронта. И пошел служить и нашим, и вашим, и мордве, и чувашам, поочередно присягая новым повелителям. Его

видели и в Петрограде, в Таврическом дворце, и в ставке Керенского. Утвердились большевики — Рейнталь приспособился к ним. Потом встретили его у Деникина, в Крыму у Врангеля. Всюду казался он преданным, неизбывной энергии полезным дельцом. С крушением белого движения, эмигрировал за границу. В одной из европейских столиц прочно уцепился за политическую организацию. Его имя связывали с контр-разведкой. Многие стали сторониться Рейнталья. Он на все махнул рукой, неуклонно идя к одной цели: составить состояние, уплыть за океан, в Америку или в Австралию, и там начать новую жизнь, поставя крест на все прошлое.

Встретясь с Диной в приморском городе, куда он приехал по своим таинственным делам, Рейнталь увлекся еще очень молодой красавицей и решил строить эту новую жизнь вдвоем с нею. Здесь он готовил свой заключительный удар.

Передряги последних дней, напряженность ожидания совершенно измотали его нервы. Он проводил бессонные ночи за книгой, забываясь под утро тяжелым сном. Вставал поздно, с головной болью, злой, раздражительный.

Но сегодня, рано утром, его разбудил министерский чиновник. Он прибежал возбужденный, трусливо дрожащий, точно за ним гнались по пятам стражи правосудия,

— Вот, готово... — шептал он в страхе, как бы кто его не подслушал, — Ради всего святого, уезжайте скорее, сегодня же!

Чиновник сунул Рейнталью копию документа, снятую им в ночное дежурство, получил условленную сумму и торопливо ушел, озираясь по сторонам.

Но посещение его не укрылось от бдительного ока Игрека.

Рейнталь достиг наконец своей цели, осталось только передать по назначению документы и кругленький капитал у него в кармане. В отличном настроении, давно не испытанного жизнерадостного подъема, он распорол подкладку жилета, вынул мешочек с бумагами, пересмотрел их в последний раз, сложил вместе с только что полученным драгоценным документом и снова зашил мешочек в подкладку жилета. Приготовил чемодан с необходимыми вещами и заказал по телефону каюту на отходящий в шесть часов пароход, на Гамбург.

В половине десятого, до обыкновения, явилась жена портье прибрать квартиру и напоить чаем жильца, хорошо платившего за ее услуги.

— Милейшая, сегодня я уезжаю, — сказал ей Рейнталь и, видя неподдельное огорчение услужливой женщины, добавил:

— Всего на несколько дней. Квартиру оставляю за собой. Вот, за месяц вперед, а это лично вам, — пояснил он, давая деньги. — При этом прошу об одном: если в мое отсутствие кто-нибудь спросит меня, скажите, что я здесь и никуда не уезжал. Поняли?

Добродушная женщина рассыпалась в благодарностях, уверяя, что все будет исполнено, как желает господин.

Нетерпение овладело Рейнталем. Хотелось сократить часы ожидания. Скорей бы сесть в свою каюту, тронуться в путь, приближаясь к тому мгновению, когда солидная пачка крепкой валюты, ради которой он так упорно работал эти годы, будет принадлежать ему.

В первом часу Рейнталь вышел из дома. Позавтракал в дешевеньком ресторане, рассчитано выбрав такой, где никто его не знает. Долго сидел за кофе, стараясь убить время, перечитал газеты. Из уличной будки-автомата позвонил Дине в контору, предупред-

див, что будет у нее около пяти часов. Бесцельно пофланировал по большому бульвару, предаваясь благодушным размышлениям о суете мирской. Вспомнил о Путине и сейчас ссора их приняла в его глазах совсем иную окраску. Пожалуй, Дина права, ничего рокового, неизбежного в этой ссоре нет. И грядущая дуэль — вздор, глупость, легко устранимая, без взаимных унижений. Дина все это наладит, сумеет найти точку примирения. Безумно рисковать жизнью, когда впереди ему все так улыбается!

Рейнталь купил конфет, в цветочном магазине выбрал несколько роз и направился к Дине. Она давно не видела своего жениха в таком радостно возбужденном состоянии.

— Вы собрались уезжать, Виктор? — спросила Дина, заметив чемодан и мягкую дорожную кэпку.

— На несколько дней. Не успеют завянуть эти розы, как я снова буду у ваших ног.

— Дела ваши здесь закончены?

— Да. Сегодня я получил, наконец, самое главное. Все, что мне было нужно, я имею и еду сдать по назначению. Вернусь, если не богатым, то во всяком случае с весьма приличным капиталом. Мы обвенчаемся и уедем отсюда далеко, далеко.

— Именно?

— Куда хотите. В Австралию, сказочную Индию или... великолепная идея!.. В Сиам! Король Чакрабон мой однокашник. Он воспитывался у нас, в России. Я с ним одного выпуска из Пажеского корпуса. Как это раньше не приходило мне в голову?!

— Вы, кажется, бредите, Виктор!.. Ха!.. ха! — рассмеялась Дина.

— Мы отлично там устроимся. В Корпусе с Чакрабоном я был довольно близок. Конечно, он меня пом-

нит и не откажет в приеме. Предварительно можно с ним списаться.

— Сиам, так Сиам! Буду на слонах кататься!

— Я предлагаю эту комбинацию совершенно серьезно и уверен, что мы зайдем там не последнее положение.

— Нисколько не сомневаюсь в этих возможностях! Его Величество, король Чакрабон предоставит вам пост военного министра, по меньшей мере — инспектора кавалерии!

— А вас, Дина, включит в списки придворных дам.

— Очаровательные перспективы! Правда, Виктор, над этим стоит подумать!

— Вы согласны?

— Отчего же нет! Вы рисуете заманчивые картины!

— Новые люди, совершенно иной быт. Попав туда, мы переродимся, заживем новой жизнью среди восхитительной природы. Славное гнездышко устроим себе, Дина!.. Вы часто упрекали меня в скрытности, считали холодным, черствым эгоистом. Вы не знаете меня. Таким я вам казался до сегодня, пока был занят своим делом. Теперь все кончено. Пройдет десяток дней и я вернусь к вам неузнаваем. Открою вам свою душу... Всю свою жизнь посвящу вам одной.. Ведь я же люблю вас, Дина... Люблю горячо, беспредельно!

Рейнталь преобразился. В первый раз за все их знакомство, Дина чувствовала искренность его слов. Нежный тон был так непривычен и пылкость его выражений даже смутила ее. И внезапно явилось желание использовать это настроение жениха.

— Виктор, исполните мою просьбу!

— Если она вообще исполнима.

— Помириться с Путиным...

— Будьте откровенны, Дина, что вас тревожит в этой дуэли? Грозящая мне опасность? Или вы боитесь, что я подстрелю Путина?

— Мы столько видели крови, милый Виктор, что даже о простой царапине больно думать! — уклончиво ответила Дина.

Хотя час назад Рейнталь сам остановился на мысли о примирении с Путиным, но теперь этот вопрос, затронутый Диной, был ему неприятен.

— Сейчас я ничего не обещаю. Возвращусь, тогда поговорим. Однако, пора ехать на пристань. Я пароходом на Гамбург. Не провожайте, мой отъезд надо совершить возможно незаметнее. До свидания, Дина! — Рейнталь поцеловал обе ее руки, пристально посмотрел на нее, точно стараясь надолго запечатлеть ее образ и быстро вышел.

Дина постояла у окна, пока он садился в такси на противоположном углу. Поставила розы в вазочку с водой. Хотела разобраться в ощущениях — будет ли она скучать эти дни, без жениха? Съела конфетку и расхохоталась:

— Статс-дама Сиамского Двора!.. Господи, какая чепуха!..

13.

С момента получения Рейнталем последнего документа, Игрек и Зет не выпускали его из виду ни на секунду. Игрек засел дежурить на Центральном вокзале, Зет на пароходной пристани, а Ирэн следовала за Рейнталем, как тень. Купэ на все отходящие поезда и каюты пароходов были заранее заказаны. Как только выяснится, какой путь избрал Рейнталь, Ирэн тотчас

должна была лететь в противоположный пункт за Игреком или Зетом и привезти того или другого куда следует — на вокзал или в гавань.

Когда Рейнталь, выйдя от Дины с чемоданом в руках, сел в такси, Ирэн, за пять-шесть домов от угла, поджидала в авто с опущенными занавесками. Она тронулась следом за ним и, убедясь, что Рейнталь едет по направлению к пристани, приказала шофферу повернуть к Центральному вокзалу.

Ирэн получила за свою работу порядочный куш и ее участие в этом деле сегодня кончалось. Игрек и Зет сюда больше не вернутся. Обработав в пути Рейнталь, они опять обоснуются в Будапеште, в ожидании новых «дел». Ирэн, если желает, может приехать к ним на прежних основаниях их сотрудницы. Ей надоела такая жизнь — хотелось пристроиться покойно, в роли экономки у одинокого состоятельного иностранца. Найти его нелегко и ей, волей-неволей придется, вероятно, ехать в Будапешт.

За пять минут до свистка примчался на пристань Игрек. Простясь с Ирэн в автомобиле, он спустился на пароход и отыскал приготовленную каюту. В соседней его ожидал Зет. Они поместились отдельно, во избежание возможных подозрений. Искусный грим изменил их физиономии. Гладко выбритый, в рыжем парике, круглых роговых очках, с трубкой в зубах, Игрек походил на поджарого педантичного англичанина. Зет в солидном пальто, широкополой шляпе, с ключковатой бородой и щетинистыми усами мог сойти за упитанного бюргера, владельца пивной или промышленника-свиновода. Они расположились в своих каютах как посторонние друг другу, незнакомые путешественники, обменивались лишь знаками при встречах. По другую сторону коридора, наискосок, была каюта Рейнталья. Он ехал в безмятежном спокойствии, уве-

ренный, что преследователи, после первой неудачи с выемкой документов, теперь вообще отказались от этой мысли. За то говорили все обстоятельства последнего времени. Его больше не тревожили покушениями, ничего подозрительного около себя не замечал. Если свой отъезд он и обставил известными предосторожностями, то, как только пароход отвалил от пристани, Рейнталь счел себя свободным от всяких опасений. С аппетитом пообедал в столовой — в дороге всегда все кажется особенно вкусным. Громадный океанский пароход щеголял изысканностью кухни, образцовой чистотой и комфортом, граничащим с роскошью. Было истинным наслаждением совершить небольшой рейс в таких условиях. К тому же благоприятствовала и погода. Море едва колыхалось, не причиняя качки. Нырняя в молочно-опаловых облаках, луна серебрила пенистые валы от носа по бортам и длинный бурлящий след из-под кормы парохода. Было сравнительно тепло и Рейнталь, накинув пальто, прилег в лонгшез на палубе.

Мысленно перенесся он в только что оставленный им город, в комнату Дины, и размышлялся. Представил себя мужем Дины, вдали от всего настоящего, в новой жизни, так непохожей на эту. Он не раскроет Дине своих тайн — к чему волновать ее минувшим. Но раз навсегда отречется от всей грязи этого прошлого и отныне каждое биение его сердца будет направлено к искуплению содеянного им зла.

— Дина, милая Дина!.. — шептал Рейнталь и все, что таилось еще в сокровенных глубинах его души, все инстинкты, взывающие к добру и правде, рвались из долгого плена наружу. Это были такие минуты душевного умиления, когда закоренелый преступник бросается в горящий дом за паршивым котенком, нищий сует голодному псу последнюю корку. Минуты, за которые

многое прощается человеку. И тяжки, и сладки были эти переживания Рейнталя. Порыв души искал выхода. В чем, кому излить свои чувства?

Рейнталь прошел в салон и сел за пианино. Он мастерски владел инструментом, обладал исключительной музыкальной памятью. Изящно-грустный лиризм Чайковского сейчас был в тоне его настроения. Отрывки из «Пиковой Дамы», «Евгения Онегина», «Иоланты» наполнили салон чарующими звуками. Все, кто был в салоне, притихнув, заслушались. Рейнталь играл долго, не отрываясь от клавиш. Когда он кончил, тишина еще несколько мгновений длилась в салоне. Потом загрохали аплодисменты. К нему подходили, благодаря за доставленное удовольствие. Многие представлялись, предполагая в нем известного артиста. Рейнталь не ожидал такого эффекта от своего выступления, внимание к нему случайных спутников было совсем некстати и он поспешил уйти в каюту. Вечерний чай и закуску потребовал подать к себе и собрался пораньше уснуть. Когда легкий храп раздался из его каюты, по коридору прошел Игрек, прислушался у его двери и юркнул к Зету.

— Ну-с! — вполголоса сказал он.

— По-немецки орех — ответил Зет — и надлежит его нам раскусить!

— Раскусим!

— Не сломать бы зубы!

— Не бойся, крепкие!.. Ты был в салоне? — спросил Игрек.

— Да. Здорово играет, шельмец. Какие деньги мог бы зашибать!

— Пока он музицировал, а ты слушал, я понаведался в его каюту, — позвякивая связкой отмычек, сказал Игрек.

— И что же?

- В чемодане документов нет. Они на нем.
— Это хуже!
— Здесь мы ничего сделать не можем и пытаться нечего.
— Пожалуй, — согласился Зет. — Пароход не приспособлен для приятных разговоров с глазу на глаз!
— Ну, ладно, до Гамбурга.
— Ты думаешь, успеем? А если его там ждут?
— Чудак! Зря я рылся в его чемодане? Сверху лежит путеводитель, в нем отмечены: сей пароход и поезда от Гамбурга на Берлин, Вену, Варшаву. Понял?
— Есть! — морским термином ответил Зет.

14.

Путин только что пришел домой из ресторана, где он обыкновенно обедал, и расположился работать. Надо было скомбинировать новый орнамент для шкапулок в древне-московском стиле. Накануне его мастерская получила большой срочный заказ из Англии. Дела мастерской шли отлично. Люди подобрались один к одному, талантливые, все эмигранты, большинство интеллигенция. Руководить таким предприятием было легко и приятно.

Путин пришил на чертежную доску лист ватманской бумаги, приготовил акварельные краски и начал предварительный эскиз в карандаше. Каждый раз, выполняя подобную работу, он убеждался в том, как полезны прикладные знания. Мог ли он предположить, занимаясь в молодости живописью, лепкой из глины и гипса, резьбой по дереву, выжиганием, что это, в те дни разумное развлечение, не только пригодится ему

в будущем, но станет его единственным средством к существованию?

Путин жил под черепичной крышей полутораэтажного старинного дома. Этот квартал, так называемый «старый город», изобиловал зданиями четырнадцатого и пятнадцатого столетий, с их характерной строгостью готической архитектуры. Своеобразной прелестью далеких веков веяло от этого уголка, почти не тронутого крикливой модой современности. Одним концом узкая улица упиралась в городскую стену с башнями и бойницами, некогда служившими оплотом города от набегов враждующих рыцарей. За стеной, под скатом, раскинулся новый шумный город, а вдали синело взморье. С другой стороны улица выходила на площадь против самой Ратуши, с широким порталом, часами над ним и вышкой, блистающей золоченым шпиком. Несколько вековых лип, неожиданно вкрапленных прихотливой рукою между домами, смягчали суровый колорит плитняка и дикого камня. В поздние лунные вечера эта улочка была до жути очаровательна. Чудились мягкие шаги длинноносых башмаков, мелькающие тени в плащах, с перьями на шляпах, звон стальных шпаг, скрещенных в смертельном поединке.

Путин, всегда тяготевший к старине далеких эпох, полюбил свою тихую улочку и дом с окованными железом дубовыми ступенями винтовой лестницы, ведущей в его две комнаты. Меблировка от хозяев старенькая, стильная, под стать квадратным, в мелких переплетах, окнам и печи синих фигурных изразцов. В этот кусочек средневековья диссонансом врываются электричество и телефон. Затишье в доме, полная обособленность его комнат особенно привлекали Путина. И работалось здесь спорко, и от грез в иную пору часами не оторваться!

Путин зарисовал последний завиток эскиза, отбросил карандаш и начал подбор красок. Хрипло крякнула на ржавых петлях тяжелая входная дверь. Заскрипела лестница и в прихожей заверещал звонок. Путин досадливо поморщился, так не хотелось прерывать работу.

— Кого еще нанесло, — проворчал он, прикрывая рисунок бумагой и нехотя прошел в прихожую впустить непрошенного гостя.

Внезапное известие о стихийном свержении большевиков в России, снег, выпавший в июле, корова, родившая жеребенка не столь поразили бы его при всей невероятности факта... Перед ним стояла Ирэн.

— Можно?.. Не ждали такого визита? — непринужденно сказала она.

— Собственно говоря, я не понимаю, зачем...

— И понимать нечего!.. Просто захотелось посмотреть, как вы живете. Если не расположены удовлетворить мое любопытство, уйду. У, бука!

— Входите уж! — улыбнулся Путин, пропуская Ирэн в комнаты.

— Прояснило красно солнышко! То-то же!

Ирэн сняла мантию и шляпу, привычным жестом поправила прическу и, удобно сев в кресло, осмотрела обстановку.

— Да вы премило обитаете!

— Жаловаться не могу.

— Что особенно ценно, это отдельный ход. Пришла я и никто о моем посещении не узнает. Очень удобно.

— Для кого как!

— Признайтесь, Путин, вы часто принимаете у себя женщин?

— Вы первая.

— Не верю!

— Как угодно.

— Ах, Путин, если б вы знали, как это меня радует!

— Почему же?

— Из этого я заключаю, что с того вечера... там... после меня вас не обнимала ни одна женщина!

— Вы угадали.

— Милый, мой милый недотрога, зачем было ваше бегство?.. Но, мы опять вместе и...

— Ирэн!

— Да, Ирэн, которая сейчас забывает весь мир и жаждет вашей ласки...

— Без нежностей, Ирэн! Этот номер больше не пройдет! — спокойно сказал Путин.

— Неужели у вас не осталось никаких воспоминаний от нашего... ужина? — тихо спросила она, кусая губы.

— Очень скверное!

— Не лицемерьте, Путин. Никогда не поверю, чтобы здоровый, сильный мужчина отвергал без особых причин близость молодой женщины!

— Оставим эту тему, Ирэн!

— Нет, я выскажусь до конца. Не бойтесь — посягать на ваше целомудрие не буду. Видите, я уже серьезна.

Ирэн встала, прошла по комнате, взяла со стола папиросу, закурила и снова опустилась в кресло.

— Я пришла к вам с деловым предложением, быть может и рискованным на ваш взгляд. Но, прошу выслушать и, обдумав, ответить лаконически — да или нет.

— Слушаю и соображаю! — Путин отошел в дальний угол комнаты и облокотился на пузатый комод.

— Я не девочка, — начала Ирэн, — испытала увлечения и монашеский уклад жизни не в моем вкусе. Все прежнее было мимолетно, непрочно. Вы первый,

кто привлек к себе мое внимание совсем по-иному. Я не сумею вам объяснить этого чувства. Конечно, не влюбленность! Но именно в вас, ни в ком другом, есть что-то, влекущее меня неудержимо. Вы труженик, но живете не нуждаясь. Имеете две комнаты. Отдайте одну мне.

Я не собираюсь отягощать ваш бюджет, Боже избави. Найду заработок, который не будет вас шокировать. Я устала от моей жизни — хочется иметь свой угол. Это мой плюс в предполагаемой сделке. Теперь ваши выгоды: Вы одни, подле вас нет заботливой женской руки. Смотрите, сколько паутины нависло на раме зеркал! Не прибран стол. Дырка на полотенце, нужна заплатка. Как неуютен вечерний чай без самовара! Кто же держит масло и сыр на подоконнике? Наверное у вас нет вышитых гарусом туфель?! А носовые платки валяются как попало, без ароматного сашэ?! Мое присутствие не помешает вам ни одним лишним вздохом. Часы уединения не будут нарушены, ваша комната для меня священна. Но те минуты, когда вы сами придете ко мне, ощутив потребность в моей ласке, те минуты будут праздником моего сердца...

Путин слышал голос Ирэн, улавливал ее слова и думал: «О, если б была сейчас здесь, говорила это Дина!»

— Ваш приговор, Путин?

— Нет!

— В окончательной форме?

— Разумеется.

— Без права апелляции в высшую инстанцию?

— Бесполезно, Ирэн. Прекратим этот разговор навсегда, так чтобы более к нему не возвращаться!

— Эх, Путин, Путин! Вы оттолкнули женщину, хотевшую подняться... На вашей душе грех! Или уж я так низко пала, что не могу до вас и дотянуться?

— Не то, совсем не то, Ирэн! Близость к женщине я допускаю только при наличии известного чувства.

— Значит, ко мне вы не питаете ничего?

— Значит!

— И даже нельзя разбудить вашу чувственность? Вам чуждо половое любопытство? Вы же меня совершенно не знаете! Я идеально сложена. Мое тело писал в Будапеште известный венгерский художник!.. Видали вы когда-нибудь каррарский розовый мрамор? Смотрите!

Ирэн, рванув кнопки кофточки, обнажила свою грудь.

— Уйдите! — отворачиваясь, глухо произнес Путин. — Того, что было там, в вашей западне, больше не повторится... Уйдите!

— Должно быть ваша сопротивляемость сильнее всего меня к вам и тянет! Тогда взяла вас врасплох, — застегиваясь, встала с кресла Ирэн. — Теперь вы настоящие, упрямые, как некое животное и, сознаюсь, неуязвимы! Ухожу побежденная, еще сильнее желанным, победителем!.. Да помогите же мне одеться — будьте хоть вежливым!

Путин подал Ирэн манто и двинулся вслед за нею в прихожую.

— Я не зла и сообщу вам приятную новость, — уже в дверях сказала Ирэн. — Рейнталь отбыл в Гамбург, за ним потащились Игрек с Зетом.

— Когда?

— Вчера вечером, на пароходе. Вы довольны? До свиданья!

— Прощайте, Ирэн, — сказал Путин и запер за нею дверь.

Он больше не присаживался к столу, за свой древне-московский орнамент. До работы ли тут было! Ирэн наегозила, растревожила. Рейнталь уехал. Дина теперь

одна. Надо завтра же ее повидать непременно! Путин долго шагал по своим комнатам. Чай на спиртовке вскипятил. Спать лег, не уснуть — все одна дума надо всем верховодит, о Дине...

15.

Гамбург, мировой порт западной Европы, кипел созидательной жизнью. Дымя лесом труб, пароходы запрудили гавань. Визжали цепями лебедки, подъемные краны ворочали тысячи тонн самых разнообразных грузов. Океанские великаны выбрасывали из своих недр привезенные товары. Другие грузились изделиями германской промышленности для отправки их во все концы света. Матросы коммерческих флотов обоих полушарий суетились на своих судах и в гавани. Крепконогие янки, бритые англичане, черноволосые испанцы, экспансивные французы, угрюмые финны, голландцы, турки, японцы, итальянцы, представители тропических стран и крайнего севера сошлись здесь в одном стремлении наживы.

Едва минуло десять лет с окончания Великой войны. Державы-победительницы еще не успели очухаться от сладости своих побед, а Германия, казалось, униженная, раздавленная, уже оправилась от пережитой катастрофы. Слетел с трона Вильгельм, с треском провалилось гастрольное выступление коммунистов. Пошумела молодежь, позабавилась совдепской «свободой» и, вовремя спохватясь, поставила точку. Старый Михель в ночном колпаке, выпив на сон грядущий свою порцию пива, подвел итоги и сказал, хмураясь: «Довольно!..» И все вошло в колею. Утихомирились политические страсти под уздой нового кумира, Гинденбур-

га, вернулась деловая, размеренная по минутам, жизнь. Интенсивность труда не только достигла довоенной нормы, но даже ее превысила. Каждый ложился и вставал с одной мыслью — о восстановлении могущества родины, памятуя, что он родился под девизом: «Deutschland, Deutschland über alles!»

Рейнталь, Игрек и Зет попали в Гамбург в самый разгар трудового дня. Рейнталь спешил закончить свою миссию и с первым ближайшим поездом проследовал дальше, в Берлин. Все же Игрек и Зет успели загримироваться.

В прежнем виде опасно было лезть на глаза Рейнталю. Случайно могли запомниться их фигуры. Совпадение маршрутов как бы не показалось ему подозрительным. Игрек превратился в пастора, а Зет, начисто выбритый, окорнал голову под машинку, распустил вычурным бантом ярко-пестрый галстух и был готов претендовать на роль опереточного комика. Они сели в разные вагоны, придя к заключению, что ни в Берлине, ни в Вене ничего с Рейнталем не поделают. Между Веной и Варшавой ночной экспресс. В нем и должна произойти решительная схватка.

В Берлине они пробыли от поезда до поезда. Но приехав в веселую, легкомысленную Вену, Зет впал в томление духа и плоти, охотно задержался бы на денек-другой. Когда у него бывали шальные деньги — он не отказывал себе в удовольствиях. Соблазнительных местечек в Вене сколько угодно, а венские женщины обаятельны и в амурных делах толк понимают.

— Чего гонит его, холера ему в живот! — ворчливо шептал Зет, когда они устраивались в купэ, рядом с Рейнталем, в экспрессе на Варшаву.

— Ближе к концу и слава Богу!

— Погулять бы здесь маленько!

— Да ты, никак, спятил! Тоже, гулена, подумаешь!
— возмутился Игрек.

— Веночки, эти — булочки сдобные, глазенками так и зыркают!.. Ай, вкусненькие, канашки! Сам понимаешь! — не унимался Зет.

— Я тебе покажу, канашек! Последний момент наступает, а ему дурь в башку лезет! Помощник, нечего сказать! Честное слово, если не перестанешь дурить, ты мне больше не компаньон. Для новых дел найду другого! — пригрозил Игрек.

— Ну, ну, проповедник! Пастором вырядился и строгость напустил. Уж и пошутить нельзя! Благослови, отец святой, на дело праведное! — с комическим смирением произнес Зет.

— А, ну тебя! — отмахнулся Игрек, невольно улыбаясь.

Бегут беспрерывно, как лента кино, пейзажи перед окном вагона. Передний план, непосредственно у полотна дороги, по прямой линии уходит назад. В перспективе, чем дальше от зрителя, картины принимают круговращательное движение и кажется, что встречные предметы отплясывают перед поездом фантастическую сарабанду. Поля, перелески, чистенькие хуторки, мельницы, колокольни, залитые лунным светом, ведут бесконечный хоровод-апофеоз причудливой феерии-

«Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать земли вращенье.
Дурак, зачем он не напился,
Тогда бы не было сомненья!..»

Вспомнился Рейнталю куплет из «Звериады», когда-то распеваемой в Корпусе. Он долго сидел у окна своего купэ, испытывая встревоженно-мечтательное наст-

роение. Спальный вагон международного общества, удобный, покойный, так располагал к отдыху. Все было тихо, пассажиры безмятежно спали. Только Рейнталь не ложился еще, да рядом в купэ, подобно котам над мышьиной норкой, притаились Игрек с Зетом, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Между ними было все условлено, предусмотрен каждый шаг, разучены роли до мельчайших деталей. Обув ноги в мягкие, плотно зашнурованные туфли, они сидели, как на угольях, в напряженном ожидании. С пылающими головами, поминутно облизывая пересохшие губы, вопросительно взглядывали друг на друга, в подходящий момент готовые броситься на свою добычу. Их расчет был построен на случайности, так часто руководящей жизнью человека. В обоих концах вагона по уборной. К одной из них примыкает помещение проводника. Они выжидали, когда Рейнталь выйдет перед сном привести себя в порядок. Если он двинется в сторону проводника — все пропало. Предприятие, стоившее столько энергии, риска, денег — сорвалось! Но когда Рейнталь направится в противоположный конец — победа их!

В первом часу ночи Рейнталь собрался, наконец, улечься. Он снял костюм и денную сорочку. Поверх ночной рубашки надел жилет с заповедным мешочком и облачился в пиджаму. Открыл чемодан, вынул дорожный несессер, достал мыльницу, зубной порошок, щетку. Металлические предметы брякнули в его руке.

— Марш! — шепотом, глазами и толчком в бок приказал Игрек.

Зет бесшумно прошмыгнул по коридору в уборную, в сторону от проводника. Игрек сжался весь в комок, приготовясь, как пантера, к смертельному прыжку.

Рейнталь неторопливо вышел из купэ, неся в обеих руках все необходимое для мытья, на секунду задержался, как бы соображая, куда лучше пойти, и двинулся в уборную, навстречу своей судьбе.

Едва открыл он дверь, как получил двойной, сокрушительной силы, удар под ложечку и в подбородок снизу. В то же мгновение настигший его сзади Игрек треснул в затылок, по бугорку мозжечка. Рейнталь, не успевший издать ни звука, рухнул, словно подрезанный, на пол.

Обшарить его, вырвать из подкладки жилета мешочек с документами — заняло минуту времени. В следующий миг его подхватили на руки, вынесли на площадку и швырнули под откос. Поезд мчался на закруглении и Рейнталья, крутя, перевертывая, далеко отбросило в мелкий, болотистый кустарник.

Все было кончено. Тихо, безкровно, не оставя ни малейших следов, выполнили Игрек с Зетом свой тонко обдуманный план.

Быстро осмотрев уборную, они заперлись в своем купэ. В Варшаве первыми покинули вагон, смешались с нарядной толпой польского Парижа и, в тот же день, сняв грим, уехали в Будапешт.

Изломанный при падении, окровавленной массой лежал на спине Рейнталь среди болота. Но в нем еще теплилась жизнь. Он очнулся, хотел крикнуть от невыносимой боли в каждой точке своего тела и только шипящий хрип выдавила разбитая грудь. Кровавая пена ползла изо рта и глаза, не мигая, уставились в звездное небо. О чем думал Рейнталь и мог ли он еще сознательно ощущать свое «я»? Тонкая нить чуть связывала его с землею и вот-вот она порвется. Обрывки его жизни, без начал и концов, мелькали в потухающем сознании: кудрявый бутуз в бархатной курточке прижался на коленях у матери, теребя ручонками лю-

бимую игрушку... Майский парад на Марсовом поле, он корнет, марш-маршем проносится с эскадроном перед царской ложей... Документы защиты в мешочек — никто не отыщет!.. Противный толстяк занял уборную, ждать придется... Отчего такая боль в голове и точно ослеп сразу?.. А...а... Дина!.. Склонилась над ним и горячим дыханием веет ему в лицо... холодно... холодно... согрей меня, милая!.. Расплывается туманом образ Дины... Тускнеет далекое небо... Непонятная черная глыба наваливается на Рейнталя, совсем задавила... Вздохнуть бы немножко... Закрылись остеклевшие глаза и вечный мрак поглотил сознание Рейнталя.

16.

Осень выдалась на редкость сухая, крепкая. Последняя вспышка увядающей природы блистала на солнце богатством красок.

Бульвары, сады и парки города обрядились в яркие наряды. Какие сочные тона для художника! Сколько разнообразия в оттенках! Желтая береза, кроваво-красная осина, бурый дуб, пурпурный клен и, как контраст среди пылающей листвы, спокойный холодок вечнозеленой хвои. Все времена года хороши по-своему и в каждом из них человек находит свою прелесть. Но есть убежденные поклонники осени, с ее угасанием страстей природы. Она не сулит несбыточных надежд, не манит усталые сердца обманчивой дымкой розовой дали. Ее свежие дни коротки, напоены покоем и тихой грустью. Осень сродни зрелому возрасту на ущербе.

Путин предпочитал осеннюю элегию и шумливой, неугомонной весне, и знойному, томящему лету. Уже в молодые годы был склонен к уединенно-созерцательному настроению. Любил прогулки по безлюдным окраинам. И здесь, живя в изгнании, он не изменял своим привычкам и вкусам.

С отъездом Рейнталя, Путин приложил все старания исподволь приблизиться к Дине. С нею он виделся каждый день, встречая у конторы, провожал домой или заходил к ней к условленному часу и они отправлялись гулять. И Дина привыкла к этим прогулкам по взморью и тихим закоулкам старой части города. Началась уже третья неделя как уехал Рейнталь. Никаких известий от него, кроме двух открыток из Берлина и Вены, Дина не получила. Но отсутствие и молчание жениха ее ничуть не волновали. Путин не затрагивал этого вопроса. Они оба не решались вернуться и к разговору их по телефону. Эта недоговоренность даже облегчала сейчас их отношения. У Путина, после шутливого признания, родилась смутная надежда. Дина, выслушав готовность его ради нее пойти на уступки, чтобы предотвратить дуэль, не сказала своего последнего слова. Но оба они сознавали, что этот телефонный разговор оставил свой след в их сердцах.

Был праздничный день. С утра они провели его вместе. Отстояли обедню в русской церкви — вдруг налетел на обоих молитвенный порыв. Рано пообедали и долго гуляли. На пляж завернули, в вековом парке потолкались. Все излюбленные улочки-закоулочки старого города исходили.

— Минутку внимания Надежда Николаевна! — Мое палаццо! — сказал Путин, останавливаясь у своего дома.

— Прелестный уголок старой романтики!

— Окажите честь, Надежда Николаевна!

— То есть?

— Зайдемте ко мне передохнуть.

— Удобно ли? — заколебалась Дина.

— Отчего же? Я живу совершенно особняком. Или вы боитесь пересудов? Здесь и сплетничать некому.

— Так и быть, уговорили!

Поднимаясь наверх, на своей двери в почтовом ящике Путин еще издали заметил конверт. Когда Дина, сняв шляпу и пальто, расположилась у окна, Путин вышел на лестницу и вынул из ящика письмо.

«Что такое?... Венгерская марка, штемпель Будапешта. Адресовано ему, но... с передачей г-же Томилиной! От кого?... Почему через него?.. Будапешт... Что-то болтала о Будапеште Ирэн. Да, венгерский художник писал ее тело!..»

Еще большее недоумение вызвало письмо у Дины.

— Ничего не понимаю! Никого в Будапеште у меня нет! Трудно предположить, что тут такое в этом таинственном послании?...

— Вскройте и все узнаем.

«Милостивая Государыня, г-жа Томилина! Считаю долгом уведомить Вас о том, что Ваш жених, ротмистр Рейнталь, более не существует среди живущих на белом свете. Это был агент большевиков, провокатор и предатель, развивавший свою гнусную работу в белом движении и в эмиграции. Мы имели возможность давно разоблачить его перед Вами. Но это мешало достижению нашей цели. Мы охотились за одной дичью. Документы, которые Рейнталь достал для Совдепии, были необходимы и нам, по поручению заинтересованной державы, искренно дружественной к прошлой и будущей возрожденной России. Успешность нашей задачи зависела от неприкосновенности Рейнталья, до поры, до времени. Мы дали ему возможность достать бумаги. Теперь они в наших руках и этими же руками

Рейнталь, этот махровый негодяй, уничтожен. Он получил свое возмездие. Простите нас за волнения, пережитые Вами в этой истории. О потере жениха не горюйте — он был недостоин Вас! Игрек и Зет, как называл нас Ваш старый друг, г-н Путин».

Дина прочла письмо, передала его Путину, поникла головой и долго молчала. То, что она узнала сейчас о Рейнтале, было так мерзко и подло. Она могла стать женой предателя, убийцы ее родины, ее близких! Возмутительна была его дерзость. Как осмелился он приблизиться к ней! Но и жалость к нему, так бесславно окончившем свои дни, шевельнулась в ее душе. Предчувствие не обмануло Рейнтала — столкновение с Путиным стало для него роковым.

Путин быстро пробежал письмо. Дыхание перехватило. Ликующий крик рвался из его груди. Но тотчас он овладел собою, насторожился, наблюдая за Диной. От его такта, деликатного подхода к волнующему его вопросу, зависит теперь все.

Один опрометчивый шаг может разрушить, самую судьбою открытый, путь к сердцу Дины. Он сумеет скрасить ее дни, отстранить от нее все заботы о средствах к существованию. Если сейчас один он живет безбедно — для нее готов работать вдесятеро больше. Только бы дождаться того мгновения, когда впервые получит он право назвать: «Моя Дина!»

— И, вот, я снова одинока! — грустно сказала она.

— Я тоже одинок! — проронил Путин чуть слышно, и робкая мольба о еще возможном счастье прозвучала в его словах.

— Мы жалкие обломки прошлого. Бури разбили наши корабли и, как щепки, качаясь на волнах, мы плывем неизвестно куда и зачем.

Глубоко вздохнув, она остановила на Путине взгляд своих голубых глаз. В них прочел Путин нечто боль-

шее сказанных слов и радостно дрогнуло его сердце.

— Дина, поплывем вместе, вдвоем, быть может станет легче!

Она протянула ему руку и в ее пожатии Путин ощутил ту же нежность, безмолвное «да», как в те далекие дни их первой встречи на Волге.

Перед ними открывались новые горизонты. Путин нашел, утраченное в юные годы, счастье. Ответным аккордом звучало сердце Дины. И все так хорошо теперь. Ясно, определенно, спокойно. Раскрыты все тайны, кончены тревоги, сомнения. С нею человек, которого она знает, кому отдала когда-то чистые восторги своей первой любви.

Молча сидели они, боясь нарушить гармонию мира и тишины... Багряный луч заката скользнул в комнату. Озарил головку Дины, зарумянил щеки и веселыми искрами заиграл на груди ее, в старом бабушкином талисмане — золотой паутинке.

Ревель.

К О Н Е Ц

Об авторе

Николай Николаевич Карпов (1877-1942) – прозаик, драматург, поэт. Потомственный дворянин. В 1896 г. окончил Первый кадетский корпус, позднее служил в Ведомстве учреждений императрицы Марии.

Литературную деятельность начал в 1904 г. До революции опубликовал этюд «Чехов и его творчество» (1904), сборник рассказов, этюдов и стихов «Штрихи и блики» (1904), поэтический сборник «Рифмы» (1908), сборник рассказов «У целебного источника» (1913), ряд пьес.

В годы Гражданской войны был в рядах Северо-западной армии генерала Юденича. С конца 1919 г. жил в эмиграции в Эстонии (Нарва, Таллинн). Печатался в русских газетах и журналах, состоял Зарубежья, состоял постоянным сотрудником в эстонских газетах «Приневский край» (Нарва, 1919-20), «Русский голос» (Нарва, 1925), «Ревельское время» (1925), «Ревельское слово» (1925), «Наша газета» (1927), «Старый нарвский листок» (1927-30), в журналах «Эмигрант» (Ревель, 1924), «Кнут» (Нарва, 1924-25) и др. В 1930 г. переехал в Брюссель, где заведовал архивами Белой Армии.

Кино-роман «Золотая паутинка» публикуется по первоизданию: *Старый нарвский листок*, 1927, №№ 40 (221) – 62 (243) в новой орфографии, с исправлением очевидных опечаток. Пунктуация оставлена без изменений.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.